

Александр Харыбин

Икарус

научно-фантастический роман

16+

Александр Харыбин

Икарус

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48650312

SelfPub; 2019

Аннотация

Идет первая половина XXII века. Человечество за столетие до того пережило чудовищную катастрофу. Северная Европа непригодна для жизни и покрыта ледником. Государства сохранились лишь на юге. Цивилизация оказалась отброшена на уровень конца XIX века. Несколько десятилетий идёт непрерывная война. Главный герой, случайно попавший на фронт, командует небольшим армейским подразделением. Вот уже больше года он воюет в Холодных Землях, сдерживая натиск врага. Он мечтает лишь дожить до окончания контракта и вернуться домой. Но может ли он представить себе, что ожидает его в самом ближайшем будущем?

*Посвящается моей любимой Музе
Асие Тюмисовой в благодарность
За подаренное вдохновение*

1

Взрыв мины метрах в двадцати впереди поднял снежную пыль, которая, искрясь и переливаясь на солнце, сейчас медленно оседала. Интересно – заметили, или бьют наугад? Я глубже вжался в припорошенные грязным снегом обломки бетона и кирпичных стен, густо усыпавшие улицу, чтобы самому казаться со стороны таким же обломком. Ответ на мой вопрос пришел секунд через десять. Хлопок очередного разрыва раздался позади, тоже где-то в паре десятков метров. Ясно, значит, заметили. Берут в вилку. Сейчас миномётчик возьмет поправку и положит мину прямо в меня. Мгновенно всплыл в памяти недавний случай с солдатом из моего взвода, получившим прямое попадание мины. Собирали его по кускам довольно долго. Чёрт, неужели я сейчас буду лежать и ждать того же?

Не дожидаясь, пока рассеется белёсая пелена от взрыва, вскочил и, низко пригибаясь, метнулся к неглубокой воронке. Пять метров до нее преодолел в три прыжка. Только упал, сжав, что есть силы локтями голову, как очередной разрыв хлопнул совсем рядом, обдав горячим смрадом. Осколки застучали вокруг по земле и по стене полуразвалившегося кирпичного строения. Что-то горячее ударило в плечо. Я снова вскочил и нырнул в развалины.

Чуть отдышавшись, принялся себя осматривать. Рукав бушлата порван, из разрыва торчат лохмотья ваты, быстро начинающие краснеть. Чёрт, кажись, зацепило. Я выругался про себя, но тут же обомлел. Господи Иисусе! Если бы не рука и толстый рукав бушлата, осколок угодил бы точно в висок. Принялся, было, стаскивать с себя бушлат, чтобы осмотреть рану, но тут же остановился. Нет, не сейчас. Сейчас надо быть начеку: не факт, что противник не прячется в этих развалинах. Да и в любой момент может пойти в контратаку. Рана явно не тяжёлая – если бы задело кость, то сейчас бы руку не смог поднять.

Снаружи послышался какой-то шум. Будто где-то не слишком далеко рычал какой-то крупный хищник. Рычание было неравномерным – то нарастало, то затихало. Я осторожно выглянул из пролома в стене. Ага, так и есть – в полукилometре от моего укрытия в стороне наших позиций среди развалин то появлялась, то исчезала серая туша огромного зверя. Наш капитан обещал выделить в поддержку танк, но, честно говоря, верилось в это с трудом. Увидеть это чудо техники на передовой – примерно как встретить где-нибудь в Милане белого медведя. Шанс, конечно, есть, но мало, кто может этим похвастаться. На всём фронте танков, наверное, пара десятков, не больше.

Тем временем, танк, словно огромный сказочный хищник, медленно крался в мою сторону, двигаясь зигзагами от одной развалины к другой и поводя хоботом пушки. Хоте-

лось надеяться, что он заметил, откуда стрелял миномёт, и сейчас выплюнет в него из своего хобота ураганом огня и стали. Как только накроет миномётчиков, надо тут же собирать людей и повторно начинать атаку.

Серое стальное чудовище остановилось в паре сотен метров от меня. Я первый раз в жизни мог рассмотреть его так близко. Своим силуэтом он напоминал тех древних стальных динозавров, которых видел на картинках из книжек про войны Старого Времени, прочитанных ещё в детстве. Я помню, тогда ещё спросил отца – было ли всё то, что описано в старых книгах, на самом деле? Отец рассмеялся и ответил, что это всё бредни. Древние очень любили писать про то, чего не существует. Они называли это фантастикой. Уже много позже, обучаясь в Королевской Технической Школе Сиракуз, я узнал, что многие сегодняшние технические достижения идут из Старого Времени. Хотя, конечно, это не афишировалось.

Танк остановился, хищно блеснув маленькими кабаньими глазками фар, слегка повернул башню и, качнув стволом, изрыгнул из пушки огромный сноп пламени. Горячее дыхание железного монстра ударило в лицо, невольно заставив отшатнуться в глубину моего укрытия. Первые несколько секунд я был ошарашен этой всепоглощающей мощью. Представив, что стало с миномётчиками, которые только что меня гоняли, как зайца, я невольно улыбнулся. Господи! Если бы у нас был хотя бы один такой танк на роту, мы бы давно

уже победили в этой войне! Почему наше правительство не наделает этого чудо-оружия в нужном количестве? Да, на те деньги, что потрачены на строительство нового королевского дворца, который я видел в Салерно, можно было бы построить не меньше сотни таких монстров.

Придя в себя после выстрела, я принялся осматривать окрестности в надежде увидеть своих бойцов. В доме напротив, такой же кирпичной трёхэтажной развалине, как и та, в которой я укрылся, сквозь черноту оконного проёма показалось какое-то движение. Похоже, там кто-то из моих. Если, конечно, это не зомбак притаился. Эта мысль тут же отозвалась холодком по спине. Сзади из глубины развалин слышался тихий шорох. На какое-то мгновение охватила паника. Сердце рвануло куда-то к горлу, норовя выскочить из грудной клетки. Не оборачиваясь, я что есть силы сжал автомат, готовясь метнуться в сторону и дать в темноту длинную очередь. Колоссальным усилием воли, наконец, заставил себя успокоиться. Так, спокойно! Если бы сзади на самом деле был зомбак, то ты бы уже разговаривал с Апостолом Петром. А может, стал таким же зомбаком – на этот счёт мнения расходятся.

Легенды гласят, что если зомбак сумеет укусить ещё живого человека, то таким способом превращает его в себе подобного. Не знаю, правда это, или нет, но наш ротный капеллан святой отец Деметрио так и говорит. Поэтому так важно при опасности захвата врагом успеть себя убить. У меня

специально для этих целей на поясе всегда висит граната.

Шорохи из глубины здания больше не повторялись. Видимо, померещилось. Я слегка повернул голову, скосив глаза в черноту. Чёрта с два там увидишь! Ладно, надо продолжать бой. Я потянулся к ракетнице, висевшей в кобуре на отдельной перевязи. Сейчас дам сигнал к общему сбору, и повторим атаку.

Чёрт! Что это? Хлопок невыносимой силы ударил по перепонкам. Следом, буквально через секунду, раздался оглушительный грохот. Пресвятая Дева! Это же со стороны танка. Я быстро высунул голову из пролома, метнув взгляд туда, где последний раз видел нашего стального зверя. Его больше не существовало. Я в ужасе смотрел, как на том месте, где секунду назад стоял непобедимый железный монстр, готовый сокрушить любого врага, лежала грудка металлолома с бьющим из нее столбом пламени. Башня, весящая никак не меньше десятка тонн, лежала в полусотне метров от того, что было танком, зарывшись согнутым стволом орудия в землю.

Господи, что это было? Какое-то новое оружие? Ничего подобного никогда раньше не видел. Эти чёртовы вампиры – весьма изобретательные твари. Внезапно, спустя мгновение, раздался душераздирающий вой. Казалось, он доносился со всех сторон – нечеловеческий, леденящий душу и сковывающий волю. Мне уже приходилось слышать этот вой. Он всегда предвещал атаку зомбаков.

Развалины впереди по улице вдруг ожили, в чёрных глаз-

ницах оконных проёмов замелькали серые тени. Их было много – десятки, если не сотни. Я не знал, сколько у меня осталось людей, но, очевидно, что на стороне этих тварей подавляющий перевес. Тысяча чертей! Кажется, мы все попали в засаду. Немедленно всем делать отсюда ноги!

Выхватив сигнальную ракету и даже не посмотрев на цвет, я лихорадочно принялся запихивать её в патронник ракетницы. Пуск! Ракета, свистя и разбрасывая синие искры, полетела к небу. Угадал – сигнал к общему отходу. Хорошо, что не к наступлению. Через несколько секунд из проломов на улицу посыпались мои люди и, держась стен развалин, побежали в сторону наших позиций. Вслед им полетели пули и гранаты. Но противник был довольно далеко: гранаты падали с большим недолётом, а пули носились злобными осами, лишь выбивая снежные фонтанчики меж моих бойцов.

– Все на исходную! – крикнул я им.

Промелькнула мысль, что людей как-то уж слишком мало. Атаку начинали семнадцать бойцов, а сейчас я видел перед собой не более десятка. Чёрт, надо бежать за ними, пока зомбаки не отрезали путь к отступлению. Пули цокали по улице и с визгом рикошетировали от валяющихся кругом обломков.

Вытащил гранату, согнул усики и хотел уже рвануть чеку, но передумал. Лучше сначала задымить. Шашка оставалась только одна. Я выдернул шнур и бросил на середину улицы пузатый жестяной цилиндр. Он прокатился немного,

затем закрутился, раскидывая вокруг себя струи густого белого дыма. Усилием воли заставил себя дожидаться, пока не задымится вся улица. Жуткий вой зомбаков приближался. Всё, пора! Вырвав чеку, я выскочил из своего укрытия, метнул гранату что было сил в сторону воя, и бросился за своими людьми.

Вой прекратился практически одновременно со взрывом. Послышались негромкие стоны. Меня вдруг охватило какое-то яростное, сумасшедшее веселье. На секунду я прервал свой бег.

– Что, твари! – крикнул я, обернувшись назад – Не нравится? Сейчас добавим!

Похлопав себя по бокам, понял, что осталась лишь одна граната – та самая, последняя, которую берёг для себя. Эх, ладно, чёрт с ней, может, в случае чего успею застрелиться. С размаху бросил её прямо в дымное облако.

На исходную, которая располагалась в полукилометре, добрались без потерь. Я построил бойцов. Девять оставшихся из моего взвода понуро стояли, переминаясь. Двое или трое были ранены, но, по-видимому, не тяжело. Из командиров отделений выжил только капрал Дзанетти – довольно пожилой крестьянин из Тосканы. Бывший крестьянин, а сейчас младший командир, у которого остался всего один подчинённый.

– Капрал! – обратился я к нему – Назначаешься заместителем командира взвода. Сейчас всем занять блиндаж пер-

вого отделения, привести себя в порядок и осмотреть раны. Кого надо – в лазарет. Через полчаса ко мне со списком потерь. И всех бойцов опросить по потерям. По тем, кто мог попасть в плен – отдельным списком.

Я помолился про себя, чтобы этот отдельный список был пуст. В противном случае следовало тут же бежать к нашему капеллану, чтобы он сотворил за этих людей особую молитву. А то, не хотелось бы завтра встретить кого-то из своих бывших бойцов на стороне Сил Тьмы.

– Разрешите идти, сеньор лейтенант? – вырвал меня из задумчивости голос капрала. Он, как мне показалось, подобострастно смотрел прямо в глаза, вытянувшись во фрунт. Бедный крестьянин: думает, что получил повышение, а на самом деле лишь дополнительный груз. Хотя, может, двадцать лир в месяц к жалованию накинут.

– Да, капрал, уводите бойцов.

Я развернулся и пошёл в блиндаж командиров взводов. Интересно, кого из своих товарищей я там увижу, а кого уже нет?

– Лейтенант Орсолини! – вдруг услышал за спиной окрик. Голос был нашего командира роты капитана Манчини – кадрового офицера лет сорока родом, кажется, из вольного города Анкона. Я мгновенно развернулся, встал по стойке смирно и, отдав честь, приготовился рапортовать.

Капитан махнул рукой, прервав на полуслове. Он переводил недовольный взгляд с меня на моих переминавшихся с

ноги на ногу бойцов и обратно.

– Лейтенант, я жду вас сейчас в своём блиндаже – наконец сквозь зубы негромко произнёс он и добавил уже громче – Немедленно.

В его взгляде вспыхнул огонь, не предвещавший ничего хорошего. Чёрт! Ведь я оставил позиции без приказа. Капитан сейчас спокойно может отдать меня под трибунал. Хотя, чего мне бояться – ну, разжалуют. Всё равно ведь дальше фронта не пошлют.

– Да, сеньор! – я отдал честь, развернулся и направился к землянке командира роты. Интересно – вдруг возникла весёлая мысль – а как он будет ждать меня в своём блиндаже, если я туда уже иду, а он – нет?

В землянке капитана за столом, сколоченным из ящичков из-под мин, сидел наш ротный капеллан святой отец Деметрио. Худой, с глубоко посаженными глазами на длинном костлявом лице, святой отец повадками больше напоминал следователя тайной полиции, чем служителя Церкви.

– Здравствуй, сын мой! – лицо его прямо излучало доброжелательность и сочувствие, но тяжёлый немигающий взгляд чёрных глаз, казалось, буравил мозг.

– Здравствуйте, святой отец – постарался я придать своему голосу как можно более скорбные интонации. С тем, чтобы подчеркнуть, то, насколько далеко мой разум и мои желания отстоят от всего плотского и мирского.

Капеллан, тем временем, молчал. В землянке повисла гро-

боявая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием масляной лампы, стоящей посреди стола. Святой отец продолжал пристально смотреть мне прямо в глаза. Мерцающий огонёк лампы бросал причудливые отблески на обстановку вокруг. Я поднял взгляд на отца Деметрио, и вдруг от увиденного меня бросило в дрожь. Передо мною сидел сам сатана. Игра света и тени на выделяющихся скулах, длинном крючкова- том носе и выдающемся вперёд подбородке создала жуткую фантастическую картину. Я инстинктивно передёрнул плечами, будто стремясь стряхнуть с себя наваждение. Кажется, моё невольное движение не ускользнуло от святого отца. В его взгляде вспыхнула искра недовольства, а губы и без того узкого рта сжались ещё больше.

– Сын мой – наконец, продолжил капеллан – Расскажи мне, пожалуйста, что думают и о чём говорят твои подчинённые. Ты же знаешь, что всегда лучше предотвратить грех, чем потом наставлять грешную и заблудшую душу на путь истинный.

Говорил он спокойно и размеренно, почти ласково. Лицо его снова приняло маску доброжелательности.

– Конечно, святой отец. Я всё понимаю. Если я увижу какую-то крамолу, то немедленно Вам доложу. Но в моём подразделении всё в порядке. Люди, конечно, устали, но по первому приказу готовы отдать свои жизни за короля и Святую Церковь.

Капеллан слегка поморщился. Похоже, мой официальный

тон был не совсем тем, что он ожидал услышать.

– Сын мой, я вижу, что ты всё понимаешь, но, тем не менее, прошу тебя подходить к этому с точки зрения дела Святой Церкви, а не буквы закона.

Вероятно, он хотел ещё что-то добавить, но тут со скрипом отворилась дверь в землянку, и тонкие деревянные ступеньки жалобно застонали, принимая на себя тяжёлую поступь. Я обернулся и тут же встал по стойке смирно – в землянку спускался капитан. Моментально сдавило предчувствие больших неприятностей.

– Лейтенант – ещё продолжая спускаться, начал недовольным и раздражённым тоном мой ротный – Ты почему не выполняешь приказов?

Я опешил, не понимая, что отвечать. Каких приказов? Да – оставил позицию без приказа, но какой приказ я при этом не выполнил? Я решил, что в этой ситуации лучше просто молчать и ждать, пока капитан сам не разъяснит. Пауза стала затягиваться. Наконец, до ротного, по-видимому, дошло, что вопрос его, скорее, риторический. И то ведь правда – какого ответа от меня он ждёт? Я не выполняю приказов, потому что мне на них наплевать? Потому что мне плевать на того, кто их отдаёт?

– Я давал ракету к отступлению – наконец, продолжил капитан – почему вовремя не выполнили мой приказ?

– Так мы же и отступили, сеньор капитан – только и смог найти я, что ответить.

– Когда вы отступили, мать вашу? – почти выкрикнул ротный

– Когда зомбаки взорвали танк и пошли в атаку.

– Пресвятая Дева – с надрывом в голосе выкрикнул мой командир – да я этот грёбанный танк послал прикрывать ваш отход! В это время все остальные взвода были уже на исходной!

Ротный сделал паузу и добавил уже спокойнее:

– Ракету к отступлению я дал за четверть часа до того, как послать танк. А теперь что – ни танка нет, ни половины твоего взвода.

Я стоял молча, вытянувшись и прижав руки к бёдрам, и ничего не мог сказать в оправдание. Когда же он пустил эту свою чёртову ракету? Скорее всего, когда миномётчик гонял меня по всей улице, как зайца.

– Ты что, не видел ракеты? – в тоне уже слышались примирительные нотки.

– Никак нет, сеньор капитан. Скорее всего, как раз в этот момент я попал под миномётный обстрел.

– Ладно – произнёс ротный уже совершенно спокойным голосом – Я всё видел. Танку я как раз дал команду уничтожить миномёт, чтобы вы могли отойти. Эх, жалко танк!

Помолчав немного, он добавил: – И людей положили сегодня дохрена. Если так дальше пойдёт – завтра воевать некому будет.

– Ты ранен? – обратился он, наконец, внимание на мой разо-

рванный и окровавленный рукав.

– Осколком задело, думаю, ничего страшного.

– Ладно, пока свободен, потом разберёмся – капитан, как мне показалось, обречённо, махнул рукой – И, да, в лазарет сходи, мне комвзвода живые нужны.

Я козырнул и вышел из землянки. Иногда казалось, что ротный предвзято ко мне относится. Он мог наорать за, казалось бы, незначительный проступок. Иногда даже оскорбить. Три месяца назад даже лишил меня законного отпуска, а уж про то, чтобы представить к какой-нибудь награде – об этом, вообще, не могло быть и речи. Тем не менее, капитан всегда быстро отходил. Выражение его круглого лица типичного уроженца северо-востока Италии с маленькими узко посаженными глазками могло за секунду сменить выражение с гнева на доброжелательность. И ещё одна вещь, которая не прошла мимо моего внимания: он никогда не позволял себе не только накричать на меня, но и даже обратиться на «ты» в присутствии моих подчинённых.

В лазарет идти не хотелось: там работала медсестра, которая мне нравилась. Внешностью она была почти копией моей, теперь уже бывшей, Франчески. Франчески, из-за которой я здесь, собственно, и оказался. Но медсестра была фронтовой подругой капитана. Поэтому я сразу побрёл к себе – в лейтенантский блиндаж, еле волоча наливающиеся свинцом ноги. День заканчивался. Огромный красный круг солнца погружался туда, где сейчас был мой дом, отец с ма-

терью и всё то хорошее, что я оставил в прошлой жизни. С каждой минутой мороз крепчал, вонзаясь острыми стальными иглами в нос и щёки. Господи! Зачем я здесь? В этой дикой стране, где девять месяцев в году царят снег и холод.

По дороге сделал небольшой крюк, чтобы зайти в хозвзвод. Там жил денщик командиров взводов – один на всех нас четверых. Я решил послать его в лазарет за бинтами и спиртом, чтобы самому обработать рану.

Из двери в нашу землянку дохнуло теплом и запахом жареного мяса. Пресвятая Дева! Мяса у нас не было уже не меньше месяца. Из Королевства последнее время подвозили в основном только рис да сушёные фиги. Ротные повара умудрялись из этих продуктов готовить с десятков блюд, но, всё равно, постоянно мечталось о чём-нибудь мясном. Скорее всего, мясо где-то раздобыл наш денщик Джанкарло – ушлый, небольшого росточка, чернявый малый с вечно бегаящими хитрыми глазками.

Внутри было жарко. Печка в углу раскалилась докрасна. Запах мяса стал невыносимым, наполняя рот слюной. Я увидел двоих – за столом, уткнувшись взглядом в порезанную ножами самодельную столешницу и обхватив голову руками сидел Марио – мой земляк из Сицилии, командир третьего взвода. У стены в углу на своём топчане лицом к стене спал Габриеле. Он командовал первым взводом и по совместительству являлся помощником нашего капитана. Третьего – Рикардо – я не заметил. Все ребята, кроме него, слу-

жили в нашей роте дольше меня. Рикардо, молодой, молодой же нас всех, весёлый паренёк из Апулии, прибыл к нам с лейтенантских курсов всего пару месяцев назад. Но мы все уже не представляли себе жизнь без его постоянных шуток и острот.

Услышав меня, Марио поднял голову. Взгляд его сразу вызвал нехорошее предчувствие.

– Рикардо убили – не поднимая глаз и почти не разжимая губ, глухо произнёс он.

Каждый из нас всегда внутренне был готов к тому, что завтра любой может уже не вернуться, но почему-то весть о том, что не вернулся именно Рикардо, тисками сжала сердце.

– Как? – спросил я упавшим голосом.

– Говорят, на мину напоролся – Марио пожал плечами – Я сам не видел, мы по соседней улице шли. Уже после начала отхода.

Он помолчал немного, затем добавил, кивнув на стоящую на столе сковороду с кусками жареного мяса:

– Ты давай, мясо ешь.

– Откуда мясо?

– Да в соседней роте лошадей сегодня миномётами побил, так наш Джанкарло подсуетился.

Моя догадка насчет источника происхождения мяса подтвердилась. После известия о гибели Рикардо мяса уже не хотелось. Я подсел к столу сбоку от Марио и положил голову на руки. Господи Иисусе! Сегодня у меня восемь человек,

в других взводах ещё сколько-то, Рикардо вот. За месяц из взвода в сорок бойцов осталось, фактически, неполное отделение. И за весь месяц – ни одного бойца в пополнение. Не удивлюсь, если в качестве следующего пополнения нам привезут тедесков.

Мысль эта вызвала усмешку. Я вспомнил, как полтора года назад чуть сам не стал тедеском. Отец рассказывал, что раньше, когда ещё его дед был молодым, тедесками называли тех, кто жил к северу от Альп. Но после того как Господь около ста лет назад покарал род людской, наслав сначала экономический крах, затем цунами а, в довершение всего, ещё и холод, через Альпы на юг потянулись толпы беженцев. Их ловили и заставляли бесплатно работать. Создалась даже целая отрасль по торговле этими бесплатными работниками. Со временем они расплодились, и сейчас их можно увидеть повсюду. Больше всего, конечно, тедесков работает на плантациях, но можно их также увидеть и на производстве.

Сначала, говорил отец, тедесками были только потомки тех самых беженцев. Но затем их ряды начали пополняться и теми, кто вовремя не смог выплатить долг кредитору. Считалось, что такой должник становится тедеском только на то время, за которое он отработает долг. Но на практике получалось, что на всю жизнь. По крайней мере, я не припомню ни одного случая, чтобы такого должника освободили после отработки долга. Хотя бывало, конечно, и такое, когда хозяин мог отпустить на волю тедеска за какие-нибудь заслуги.

Но это случалось крайне редко.

Ещё полтора года назад я работал инженером на большом заводе в Сиракузах в Сицилии. Туда я устроился после Королевской Технической Школы. Вообще-то я принадлежу к старинному дворянскому роду Орсолини, и мой отец владеет небольшим поместьем под Сиракузами с виноградниками и оливковой рощей. Но так как из двух сыновей моего отца я – младший, то мне, естественно, ничего не светило. Зато отец заплатил весьма приличную сумму за мое обучение в Школе. В результате я получил очень хорошее образование и смог устроиться на завод на приличное жалование.

Казалось, будущее моё теперь легко предсказуемо: лет пять-семь – инженером, потом – главным инженером, а там, глядишь – и до управляющего заводом можно дорасти.

Но, как говорит наш капеллан, человек предполагает, а Господь – располагает. Два года назад я встретил Франческу – дочь торговца землёй из Сиракуз. Девушка неземной красоты, будто сошедшая с картин художников Старого Времени. В общем, я влюбился до беспамятства. Когда мы начали встречаться, я был счастливее самого счастливого человека на свете. Для своей любимой я готов был отдать всё.

И Франческа очень умело этим пользовалась. У меня было большое жалование. Достаточно сказать, что оно было в три раза выше, чем у рабочего высокой квалификации на моём же заводе. И раз в пять – чем в среднем по нашему городу. Но моя любимая умела и любила тратить деньги. Это был

просто какой-то талант. Если ресторан, то самый лучший, блюда – самые дорогие. И неважно, что половина даже не съестся – важен принцип. Платья в самых дорогих магазинах, драгоценности – у лучших ювелиров. На робкие просьбы взять что-нибудь попроще, следовал один ответ: «покупать дешёвые вещи – себя не любить, надо не экономить, а зарабатывать». Сначала у меня закончились накопления, затем перестало хватать жалования. Я принялся занимать в долг сначала у знакомых, затем, когда они мне уже начали отказывать – у отца.

Наконец Франческа выдала, что какой-то её воздыхатель обещает купить ей карету от Ламборгини с тремя чистокровными нумидийскими рысаками. Ну как, спрашивается, я мог допустить, чтобы какой-то подлец делал моей любимой такие дорогие подарки. Я тут же побежал узнавать – сколько же это может стоить. Узнав, лишился дара речи. Один нумидийский рысак стоил почти с половину поместья моего отца. Карета тоже была под стать.

Естественно, таких денег мне никто не смог бы дать взаймы. Обезумев, я помчался в единственное место, где мог бы найти нужную сумму. Это был, разумеется, Банкирский Дом Варбургов. Конечно, в нашем городе было их отделение. Там мне дали всё требуемое под десять процентов годовых безо всяких залогов. Только под честное слово. Через три дня карета от Ламборгини, запряжённая чистокровными нумидийцами, стояла у парадного входа моей любимой.

Жалования не хватало, чтобы гасить долг и проценты. Я занял денег у отца, сказав ему, что, когда женюсь на Франческе, отдам ему долг из приданого. Отец печально покачал головой: в тот момент дела у него шли неважно, так как крупные плантаторы опустили цены на виноград и оливки.

На второй месяц отец отказал. Когда он встал, чтобы выйти из гостиной, где мы разговаривали, я заметил блеснувшие в его глазах слезы.

Попытка отсрочить выплату ни к чему не привела, и я оказался там, где и должен был оказаться – в долговой тюрьме. После пары недель, отведённых на разные юридические процедуры, мне предстояло стать тедеском и отправиться на плантации или, в лучшем случае, на какое-нибудь тяжелое производство типа шахт или каменоломен. Ни отец, ни мать навестить меня в тюрьму не пришли. Да я и не хотел этого, наоборот, боялся их визита.

Мне, можно сказать, повезло – меня выкупил кондотьер герцог Бонелли – генерал, герой войны в Холодных Землях. Из тюрьмы, вместо плантации, я попал на ускоренные лейтенантские курсы, чтобы затем отправиться в Холодные Земли убивать зомбаков.

Ещё на курсах я получил письмо от товарища из Сиракуз. Он писал, что Франческа вышла замуж. За сына директора нашего городского отделения Банкирского Дома Варбургов.

– Сеньор лейтенант! – вытащил меня из прошлого негромкий голос. Первую секунду я ошарашено смотрел во-

круг, не понимая, где нахожусь. Ах, да – я в лейтенантской землянке, и ко мне сейчас обращается мой капрал Дзанетти. Похоже, я задремал. Почему он не постучал, прежде, чем войти?

– Сеньор лейтенант – повторил капрал – Я стучал, но мне никто не ответил – сказал он, будто прочтя мои мысли.

– Сеньор лейтенант просили принести список потерь, вот, я принёс.

Видимо все в землянке, включая меня, спали и не услышали стука.

Вид у капрала был забавным: шапка надвинута на самые глаза, щеки и кончик носа горели ярко-красными фонарями. Похоже, снаружи уже нешуточный мороз.

– Хорошо, капрал, положи на стол и иди отдыхать – с трудом проговорил я, так как губы слушались плохо, а веки были настолько тяжелы, что хоть спички вставляй.

Дзанетти положил лист бумаги на стол, подошёл к двери, затем развернулся ко мне и помялся несколько секунд.

– Сеньор лейтенант – тихо произнёс он – Разрешите спросить?

– Ну, что тебе, капрал? Давай, спрашивай быстрее.

– Вот святой отец Деметрио говорит, что зомбаки получают, когда человека зомбак укусит.

– Ну, да, конечно.

– А сеньор капитан говорит, что зомбаков из людей делают вампиры.

– Дзанетти – меня это начало уже раздражать – Значит правильно и то и другое. Понятно?

– Понятно, сеньор лейтенант, только получается, что в Империи Тьмы должны жить не только вампиры и зомбаки, а ещё и нормальные люди. Иначе из кого же тогда будут получаться зомбаки?

Чёрт бы тебя побрал, капрал с твоей крестьянской смекалкой. Я как-то никогда об этом не задумывался. Сон тут же улетучился – слова капрала явственно отдавали крамолой.

– Сеньор лейтенант – капрал явно хотел сказать что-то важное, но не решился.

– Говори, Дзанетти.

– Я сегодня видел зомбака – выпалил он в одно дыхание. Эка невидаль! Да тут почти каждый видел зомбаков.

– Ну и что?

– Я видел зомбака так, как вас сейчас.

Я чуть не подавился, закашлялся и вопросительно уставился на своего капрала.

– Когда начался обстрел, я забежал в развалины и тут столкнулся с зомбаком. Он смотрел прямо на меня своими красными горящими глазами. Я хотел выстрелить в него, но карабин дал осечку.

Капрал сделал паузу, облизывая пересохшие растрескавшиеся губы.

– А дальше-то что? – нетерпеливо спросил я. Услышанное было настолько неправдоподобным, что в это не хотелось ве-

ритель.

– Он развернулся и ушёл.

– Как ушёл?

– Так. Молча развернулся и ушёл.

– А ты уверен, что это был зомбак?

– Так вот я и говорю – может, здесь не только зомбаки да вампиры живут.

То, что сейчас сказал мне мой капрал, было уже не просто крамолой, а самой настоящей ересью. Я непроизвольно метнул взгляд на моих товарищей по землянке. Марио сидел всё в той же позе, уткнув лицо в сложенные на столе руки, Габриеле храпел на своём топчане лицом к стене. Кажется, никто ничего не услышал.

– Дзанетти – произнёс я тихо, почти шёпотом – Я сейчас ничего не слышал. А ты ничего мне не говорил. Ты понял?

Капрал часто закивал. Глаза его выражали нешуточный испуг. Похоже, до него дошло, какие последствия могут вызвать его слова.

– Всё, капрал, иди отдыхать, проследи, чтобы все люди поели. Раненых – в лазарет. Перед отбоем организуй чистку оружия.

– Так точно, сеньор лейтенант! – Дзанетти вытянулся по стойке «смирно» – Все уже поели, раненые – в лазарете. Взвод чистит оружие.

– Молодец, капрал. Иди.

Дзанетти приложил руку к шапке, чётко развернулся и вы-

шел.

Бравый вояка – улыбнулся я про себя – интересно, сколько он уже служит? Когда год назад я принял взвод, он уже был капралом. Но всё равно, вряд ли больше двух лет. Здесь столько не живут. Всего каких-то два года назад пахал землю, а сейчас неотличим от кадрового военного.

Я посмотрел на стоящую прямо передо мной сковороду с мясом. Есть не хотелось, единственным желанием было лечь на свой топчан и отрубиться. Но надо было ещё осмотреть и обработать рану. Если сейчас этого не сделать, потом могут быть проблемы. И я принялся стаскивать с себя бушлат.

Рана была неглубокой: осколок пробил рукав, задел за плечо и вылетел с другой стороны. Кровь практически остановилась, кое-где запёкшись тёмной коркой. Лишь немного, там, где я потревожил рану, снимая нижнюю рубаху, немного кровоточило.

В землянку зашёл денщик Джанкарло с перевязочными средствами и пузырьком тёмного стекла. Я молча глазами указал ему на стол. Он положил свою ношу и тихо удалился.

Утром меня никто не разбудил. В блиндаже было холодно. Видимо, печку с утра так никто и не затопил. Фитиль лампы был прикручен до минимума, и свет еле достигал стен, сложенных из неровных неотёсанных брёвен. Я сел на топчан, коснувшись босыми ногами холодного земляного пола, едва присыпанного мелким речным песком. Нашупав сапоги, натянул их, накинул бушлат и вышел на улицу. Надо пойти

проверить своих людей.

День давно уже начался. Солнце стояло уже высоко и нешуточно припекало. Было странным чувствовать жар от дневного светила и видеть при этом вокруг сосны, укутанные белыми снежными покрывалами. А под ними – метровые сугробы. Что-то капнуло на нос. Я поднял лицо и увидел, как с веток ближайшего дерева срываются капли.

Похоже, скоро в этих краях начнётся весна. Странный климат в этих Холодных Землях, где я воюю уже больше года. Девять месяцев – зима, затем короткая – не больше двух недель, весна, когда всё вокруг тает и течёт. Потом наступает довольно жаркое и сухое лето, причем, иногда бывает даже жарче, чем в Сицилии. В конце лета недели на две-три заряжают непрекращающиеся дожди, а потом приходят холода, когда дождь постепенно переходит в снег, а мороз с каждым днём всё крепчает, пока не сковывает землю сталью на пару метров глубиной.

Мимо пробежал наш денщик. Я окликнул его. Джанкарло остановился, как вкопанный, повернулся ко мне и в пять быстрых шагов приблизился, встав по стойке «смирно».

– Джанкарло, позови сейчас капрала Дзанетти из моего взвода, а потом возьми мой бушлат, постирай и зашей.

Денщик, услышав приказ, как-то весь мгновенно изменился в лице. В глазах мелькнула паника.

– Никак нет, сеньор лейтенант! – негромко сказал он, вытянувшись ещё больше.

– Что значит – никак нет? – во мне начало подниматься раздражение.

– Никак не могу позвать капрала Дзанетти.

– Почему, Джанкарло?

– Капрала Дзанетти забрали ещё ночью.

– Кто забрал? – где-то в глубине закипала ярость. Кто мог без моего ведома забрать моего человека? Да ещё и единственного оставшегося командира отделения.

– Братья по распоряжению сеньора Деметрио.

Так, всё ясно. Братья – это служители Святой Инквизиции. Бедный мой капрал! Теперь за него можно только молиться. Мгновенно всплыл в памяти вчерашний разговор в землянке. Чёрт! Это же самая настоящая ересь. За которую можно и на костёр угодить. Кому же ты ещё сказал, кроме меня, капрал?

– Хорошо, Джанкарло, тогда возьми мой бушлат и сделай всё до вечера.

Я снял бушлат, отдал его денщику и направился в блиндаж первого отделения к своим людям. Хотелось узнать подробности ночного ареста моего капрала.

До своих людей я так и не дошёл. На полпути встретился вестовой капитана – небольшого росточка худенький чернявый солдат, по виду – почти мальчишка. Увидев меня, он подбежал и остановился в нескольких шагах, вытянувшись и козырнув.

– Сеньор лейтенант! – запыхавшись, обратился он ко мне.

Его мальчишеское лицо покраснело от бега на морозе. Куда, интересно, он так торопился?

– Вас святой отец Деметрио вызывают в свою землянку – продолжил он.

По спине прошёл холодок – кажется, ситуация складывается не самая удачная. Плохо, что не успел опросить людей. Так хоть можно было бы знать заранее, что говорить капеллану. Вспомнил, что не передал ротному список потерь. Надо сейчас, наверное, вернуться к себе и захватить, чтобы по дороге передать капитану.

Вестовой, продолжавший стоять на том же месте, увидев, что я направился в сторону от землянки капеллана, снова обратился ко мне. В голосе проблёскивали нотки настойчивости.

– Сеньор лейтенант! Сеньор святой отец приказали явиться срочно! – Тон его вызвал волну гнева. Однако! Даже не капрал, молокосос от горшка два вершка, а пытается командовать офицерами.

Бросив на вестового испепеляющий взгляд, чтобы знал своё место, я развернулся и направился к капеллану.

Святой отец Деметрио находился в своей любимой позе: облокотившись на спинку стула, скрестив ладони на животе и откинув назад голову, он смотрел на меня как бы сверху вниз. Хотя при этом он сидел, а я стоял.

– Здравствуй, сын мой – своим обычным скорбным голосом начал капеллан – Не хочешь ли ты мне что-нибудь ска-

зать?

И он уставился на меня своим немигающим взглядом удава, положив руки на стол ладонями вниз.

Я принялся лихорадочно соображать. Поведать ему о вчерашнем разговоре с капралом? Вряд ли это хорошая идея. Я должен был доложить ещё вчера вечером. И, вообще, вдруг Дзанетти взяли совсем за другое? Надо тянуть время и никакой конкретики.

– Святой отец – начал я примерно таким же скорбным тоном, но стараясь при этом не переигрывать, чтобы капеллан не принял это за издевательство – Я полагаю, что святое причастие и исповедь намного лучше...

– Сын мой – Прервал мою речь отец Деметрио раздраженным голосом – Ты можешь полагать всё, что угодно, но располагает всё равно только наш Господь Бог – он закатил глаза к потолку, перекрестился и замолчал, снова упёршись своим холодным взглядом в мои глаза.

– Зачем мы здесь, сын мой? – наконец, продолжил он.

Пока я размышлял, что он имеет в виду, и как на это отвечать, капеллан меня опередил.

– Мы здесь, сын мой, чтобы исполнить волю Всевышнего. Когда наш Господь сто лет назад решил наказать род человеческий, наслав десять казней египетских, он сделал так, чтобы праведники спаслись, а грешники сгорели в аду или стали тедесками. Он вложил свою силу в руки святого Падре Пио Тринадцатого. Когда в нашей благословенной земле

люди встали друг против друга, брат против брата, а матери стали поедать своих младенцев, святой Пио, встав во главе нашей матери-церкви прекратил вражду. И тогда люди перестали убивать и начали трудиться за хлеб свой насущный. А святой Падре Пио поставил над ними короля, чтобы тот следил за порядком в нашей земле. И стала земля наша богатеть, а люди стали плодиться. И в каждом доме теперь был хлеб и огонь в очаге.

Отец Деметрио, наконец, освободил меня от своего взгляда. Я почувствовал ни с чем не сравнимое облегчение.

– Но Враг Рода Человеческого – продолжал тем временем капеллан – Да не произнесётся его имя, дабы погубить оставшихся праведников, низверг на Землю отродье дьявольское – вампиров и зомбаков. Эти изверги уже почти добились своей гнусной цели, но праведное человечество сумело под сенью нашей Святой Церкви преодолеть распри и объединиться в единое Королевство Сил Света. И единое Королевство смогло отбить натиск сил зла и загнать отродье в их логово на краю Земли. И теперь мы здесь, чтобы не выпустить этих выродков Врага Рода Человеческого из их мерзкого логова, называемого Империей Тьмы. И каждый, кто усомнится в истинной цели Сил Света на этой войне, будет считаться еретиком.

Тут он снова вскинул свой жуткий взгляд на меня. По спине пробежали мурашки.

– Ты хорошо понял, сын мой, что я сказал? – зловещим

шёпотом произнёс он.

– Да, святой отец.

– И ты ничего не хочешь мне сказать?

– Хочу, святой отец. Хочу сказать, что я никогда не сомневался в том, для чего мы здесь.

– И ты не знаешь никого, кто сомневается?

Чёрт! Вот этот вопрос – точно по душу Дзанетти. Что же делать? Притвориться дурачком?

– Никак нет, святой отец, не знаю.

– А что тебе вчера говорил твой капрал про зомбака? – капеллан оторвал спину от спинки стула и наклонился ко мне.

– Святой отец, когда капрал зашёл в мою землянку и начал говорить, я спал. Я устал, как мертвец, к тому же был ранен, и мало что понял из его слов.

– Так мало, что сказал ему держать язык за зубами? – торжествующим голосом произнес отец Деметрио, снова откинувшись назад.

Дьявол! Кажется, это конец. Сейчас позовёт братьев. Я приготовился начать читать про себя молитву, но не мог выбрать подходящую для этого случая. Молитв для убережения от козней злобных капелланов я не знал.

Внезапно скрипнула и резко отворилась дверь в землянку, и по ступенькам раздался тяжёлый топот.

– А! Вот он где! – я узнал голос капитана и повернулся к нему – Я его ищу уже битый час, а он тут околачивается. Святой отец, разрешите мне забрать моего лейтенанта?

Я посмотрел на капеллана. Тот побелел от злобы.

– Сеньор Манчини – тихо, но твёрдо произнес капеллан.

Глаза его налились кровью. Он приподнялся на стуле и весь подался вперёд. Казалось, он хочет дотянуться зубами до капитана, чтобы его сожрать. Или укусить – Мы беседуем с лейтенантом Орсолини по вопросам Веры и Святой Церкви. И я очень прошу оставить нас сейчас вдвоём.

– Конечно, святой отец – капитан широко улыбнулся – Разве можно мешать такой важной беседе? Сейчас, я только скажу лейтенанту пару слов, и вы сможете продолжать.

– Пойдём, лейтенант – он хлопнул меня по спине, подтолкнув к выходу – Выйдем на минутку, хочу тебе одно распоряжение дать.

Я начал подниматься по ступенькам, страшась обернуться и встретиться взглядом с капелланом. Капитан шёл следом, едва не подталкивая меня пинками.

– Сеньор Манчини! Вы делаете глупость! – раздался сзади срывающийся на фальцет крик святого отца – Вы пожалеете!

Голос смолк за захлопнувшейся дверью землянки.

Капитан продолжал подталкивать меня, пока мы не удалились от землянки капеллана на пару сотен метров.

– Вот что, лейтенант – произнёс капитан, резко остановившись, с явным волнением в голосе – Я не знаю, зачем ты нужен капеллану, да и знать не хочу. Это не моё дело. Но мне мои лейтенанты нужны живые. А если ты попадёшь к братьям, то вряд ли сюда вернёшься.

Ротный помолчал, бросив беглый взгляд по сторонам.

– Слушай, Орсолини – продолжил он уже более спокойным голосом – Только что пришёл приказ: нашу бригаду выводят на переформирование. Сейчас сюда прибывают сменщики, а мы сваливаем нахрен.

Он вытащил из-за пазухи сложенный лист бумаги и протянул мне.

– Короче, лейтенант: вот тебе план новой дислокации нашей роты. На сборы даю четверть часа. Бери своих бойцов, человек пять плотников из хоззвезда с инструментом и материалами, пять подвод и дуй, куда указано в приказе, чтобы до ночи были там.

Капитан снова быстрым движением, как мне показалось, украдкой, оглянулся по сторонам.

– Завтра с самого утра всё там принимаешь – лицо ротного вновь приняло обычное суровое выражение, а в голосе зазвенели металлические нотки – Смотришь, чтобы везде всё было в порядке, чтобы, когда мы послезавтра придём, проблем не было. Ямы выгребные проверь, чтобы пустые были, понял? Или тогда пусть новые копают.

Он вопросительно на меня посмотрел, явно ожидая ответа.

– Так точно, сеньор капитан, всё понял!

– Давай, бегом, пока братья не заявились – он вытащил из кармана часы и посмотрел на циферблат – Четверть часа на сборы.

– Сеньор капитан!

– Что ещё?

– Сеньор капитан, а вам ничего за это не будет? Ну, за меня от отца Деметрио?

Ротный положил часы обратно и, вскинув подбородок, высокомерно посмотрел на меня.

– Кишка тонка у святого отца против герцога.

Я понял, что он имеет в виду самого генерала Бонелли. Говорили, что капитан служил у него, когда герцог ещё не был генералом.

На пункте переформирования жизнь по сравнению с передовой показалась просто раем. Питание улучшилось, нам выдали новое обмундирование. Нормы выдачи угля и дров тоже повысили. Мой взвод пополнился новыми бойцами. Не давали покоя лишь мысли о нашем ротном капеллане. Насколько я слышал, его срочно вызвали в епископство, но когда он должен вернуться, никто сказать не мог. К капитану с этим вопросом я обратиться не решался. Оставалось тешить себя надеждой, что внезапному отъезду святого отца, так или иначе, поспособствовал наш ротный через герцога. По крайней мере, спокойствие капитана позволяло надеяться на правдоподобность этой версии.

Однажды утром, через две недели нашего пребывания в пункте переформирования, выйдя из землянки, я увидел всадника, мчавшегося во весь опор по снежно-грязевой каше полурастаявшей целины со стороны штаба бригады.

Подъехав к землянке капитана, он спешился и, привязав к коновязи грязного взмыленного коня, заскочил вовнутрь.

Через несколько минут оттуда вылетел вестовой и побежал к блиндажу командиров взводов. Увидев меня, он встал, как вкопанный, и вытянулся, приложив ладонь к шапке.

– Сеньор лейтенант! Сеньор капитан срочно вызывают командиров взводов!

Ёкнуло сердце. Кажется, наша райская жизнь заканчивается. Обычно переформирование длится два месяца, необходимых для обучения пополнения и боевого слаживания подразделений. Но, видимо, обстановка на передовой осложнилась. Я спустился в землянку и позвал остальных лейтенантов.

– Сеньоры офицеры! – официальным тоном начал капитан, пока мы трое навтытяжку стояли перед ним в его блиндаже. В руке он держал лист бумаги – Мне только что поступил приказ. Наш король подписал перемирие. Война пока приостанавливается.

Мы невольно переглянулись. С кем, интересно, король заключил перемирие? С вампирами? С зомбаками?

– Я знаю – продолжал наш командир – всё это кажется очень странным, и я сам никак не могу это объяснить, но наша бригада получила приказ передислоцироваться в Королевство. Могу только предположить, что где-то объявился враг настолько опасный, что это заставило пойти на перемирие с вампирами Империи Тьмы. Поэтому, думаю, тем из

вас, кто мечтает вернуться к гражданской жизни, стоит засунуть свои мечты куда-нибудь подальше.

Капитан показал жестом на табуретки у стола, приглашая сесть, и сел сам.

– Итак, сеньоры лейтенанты – продолжил он после того, как все заняли свои места – Не наше дело обсуждать приказы командования. Нам необходимо завтра всей ротой выдвигаться пешим порядком на станцию Днепро. До станции, фактически, три перехода, но нам надо управиться за два с одной ночёвкой. Всё лишнее сдать в обоз, оставить только оружие и по одному боекомплекту, выделить от каждого взвода по пять человек в сторожевое охранение. Каждый получит у меня маршрут движения. Всем всё понятно?

– Так точно сеньоре – раздался нестройный хор наших голосов.

– Короче – Капитан достал часы – Сейчас десять пятнадцать. Через час все взвода должны быть готовы к выдвиганию. Свободны!

В землянке обсуждать новость было некогда – времени на сборы было в обрез. Быстро похватав нехитрые пожитки, я отнёс их в хозвзвод, где всюю уже шла суэта: снаряжали обоз. Точно в час, назначенный капитаном, вся наша рота была уже готова к выдвиганию.

Путь до станции прошёл без происшествий. Хотя пеший марш в семьдесят километров, который нужно было совершить за два дня, уже сам по себе был тем ещё происшестви-

ем. По дороге, днём представлявшей собою месиво из грязи и мокрого снега, а вечером и с утра – ледяной каток. Тем не менее, на станцию подоспели вовремя. Час на погрузку – и вот паровоз, дымя и покрякивая гудком, потащил нас на родину.

2

Через два дня поезд привёз нас в Падову – центр военной корпорации герцога Бонелли. Подумать только – два дня пути из войны в мир. На фронте мне казалось, что до мирной жизни – это где-то примерно, как до Луны. Поначалу было дико смотреть на прохожих, слоняющихся по улицам, не боясь миномётного обстрела. На экипажи с цокотом копыт проносящиеся по мостовым. Но через пару дней уже привык.

Офицеров и большую часть солдат распустили в отпус- ка. Многие поехали домой. Меня же отпускать никто не со- бирался, так как я был выкуплен у Банкирского Дома Вар- бургов непосредственно Герцогом, и по условиям контракта должен был отслужить пять лет. Соответственно, с учётом лейтенантских курсов, оставалось ещё три с половиной.

Поселили меня в казармах Герцога, правда выделили, хо- тя и небольшую, зато отдельную комнату. Ну, и ещё плюсом можно считать то, что разрешали выходить в город. Хотя, что толку гулять по городу без денег: четыре пятых моего жалования забирали в счёт уплаты долга. Поэтому большую часть времени я проводил в казармах. Там, как ни стран- но, была приличная библиотека с очень хорошей подборкой

книг по истории. Хотя акцент там был больше на истории войн, тем не менее, чтение меня увлекло.

Через месяц такой жизни мне в голову пришёл, как показалось, гениальный план. Вот сейчас я ничего не делаю, а, тем не менее, мне капает жалование, причём, немаленькое. А что если меня сдать в аренду на мой завод в Сиракузах в качестве инженера? Ведь тогда герцог сможет получать за меня дополнительный доход. А я смогу быть вместе со своей семьёй.

С этой идеей я записался на приём к адъютанту герцога маркизу Бриенца. Конечно, хотелось бы попасть к самому генералу Бонелли, но я был слишком ничтожной фигурой для этого.

– Лейтенант – произнёс маркиз, когда я ему выдал своё гениальное предложение – Я прекрасно понимаю ваше желание. Но доход от лейтенанта с боевым опытом в несколько раз больше, чем от какого-то инженера. Не беспокойтесь – тут он ухмыльнулся – Мы очень скоро найдём вам подходящую работёнку.

На этом аудиенция закончилась. На выходе встретил своего ротного. Я встал по стойке смирно, козырнув, но он протянул руку.

– Что, лейтенант – скучаешь?

Я секунду помедлил с ответом, затем нашёлся.

– Так точно, сеньор капитан! Соскучился по настоящей работе!

Капитану мой ответ явно понравился. Он похлопал меня по плечу и направился напрямиком в кабинет герцога.

Маркиз не обманул: мне действительно нашли работу. Королевству требовался уголь, много угля. На территории Королевства его практически не было, поэтому он добывался на шахтах к северу от Альп – в дикой безлюдной стране, почти круглый год покрытой снегом. К шахтам вела железная дорога, а так как на поезда там частенько нападали дикие аборигены, то обычно эшелоны собирали в конвой под охраной бронепоездов. Как правило, в каждом таком конвое было два бронепоезда и до роты пехоты.

Капитана Манчини назначили начальником конвоя. А в свои заместители он выбрал меня. Конечно, чтение книжек по истории в библиотеке было намного приятнее рискованной поездки в холодную страну с дикими аборигенами, но я был горд тем, что капитан мне доверяет.

Стартовали через неделю. Конвой состоял из четырёх эшелонов по пятнадцать вагонов. Каждый эшелон тянулся своим локомотивом. Составы должны были находиться в пределах прямой видимости от соседних. Один бронепоезд следовал во главе этой процессии, второй замыкал её. В головном находился капитан, а в хвостовом – его заместитель, то есть я. Связь приходилось держать по телефону, а также с помощью световой азбуки и ракет. Было ещё чудо техники – радиостанция, которая позволяла общаться на большом расстоянии безо всяких проводов и фонарей, но на неё надежды

было немного, так как она постоянно ломалась.

Из-за того, что приходилось постоянно выдерживать дистанцию между эшелонами, наш караван двигался очень медленно. Обычный грузовой состав в Королевстве за сутки может пройти свыше тысячи километров. Мы же за день покрывали не более ста. Поэтому путь от Милана до области угольных шахт, которую называли Эссен, нам предстояло пройти за две недели. Туда мы везли продовольствие, оборудование для добычи угля и запасные части к нему, боеприпасы для охраны и ещё кучу всего. Обратного должны были повезти уголь.

Я первый раз в жизни оказался в Альпах. Конечно, мне приходилось видеть их на картинках в книгах, но представить себе реальное величие этих каменных исполинов я был просто не способен. Апеннины в сравнении с ними казались обычными холмами. Горы тянули свои снежные когти вверх, словно желая разорвать ткань небесной синевы. Нигде вокруг в этой каменно-ледяной пустыне не было видно и следа пребывания человека.

Через горы ехали очень медленно. На подъёмах иной раз приходилось сцеплять составы вместе и сыпать под колёса песок, иначе паровозы не могли втянуть вагоны наверх. За день удавалось пройти по тридцать-пятьдесят километров. Мы уже начали отставать от графика, но старший машинист конвоя был почему-то спокоен, утверждая, что на равнине всё наверстаем.

Действительно, когда выехали на более или менее ровную местность, дела пошли веселее. Но здесь нас ждали уже другие неприятности – то тут, то там по сторонам дороги были видны останки вагонов и локомотивов, присыпанные снегом. Это были следы нападений аборигенов на эшелоны.

– Что им надо? Зачем они нападают? – спросил я начальника бронепоезда – пожилого усатого и очень худого лейтенанта со значком железнодорожных войск в петлицах. Судя по его возрасту, он должен был гонять здесь конвои уже не один год.

– Еда, оружие, металл – всё, что мы везём – лейтенант отвечал как-то отрывисто, почти не отрывая глаз от перископа, которым всё время вертел по сторонам. Похоже, ему очень не хотелось, чтобы его отрывали разговорами от наблюдения за обстановкой вокруг. Я это понимал, но всё равно не мог удержаться от расспросов.

– А чем они вообще живут в этой пустыне? – снова спросил я, махнув рукой по сторонам – Здесь же ничего не растёт: сплошь снег да лёд.

– Так этим и живут – всё так же неохотно ответил лейтенант. Было заметно, что ему неприятно находиться в фактическом подчинении у, на его взгляд, мальчишки. Но тут уж ничего не изменишь – так распорядилась военная судьба. Хотя до начала нашей поездки капитан Манчини приказал мне в действия начальника бронепоезда не вмешиваться.

– Смотри внимательно и учись – говорил он – Лейтенант

Бруни – человек опытный. Вмешиваться будешь только, если я конкретно дам приказ.

Так проехали ещё три дня, потихоньку навёрстывая отставание от графика. По ночам делали короткие, часа на три-четыре, остановки в укреплённых пунктах, чтобы заправить водой и догрузить угля.

Приближался вечер, когда я обратил внимание на то, что лейтенант начал вращать своим перископом быстрее обычного. Было заметно, что в нём нарастает волнение. Некоторое время я сдерживался, чтобы не отвлекать начальника поезда, но потом решил, всё-таки, спросить. Я же, если уж на то пошло, как-никак, заместитель начальника конвоя и должен иметь всю информацию об обстановке.

– Скоро опасное место – с нескрываемым напряжением в голосе ответил на мой вопрос лейтенант – Через пять километров головной состав начнёт входить в поворот. За поворотом – крутой подъём. Сбавить скорость не можем, так как локомотивы не вытянут. Дистанцию, соответственно, тоже не уменьшить. Проще всего напасть сразу за поворотом. Если там пути разрушить – весь конвой пойдёт под откос. Состав за составом.

Его волнение передалось и мне. Я всмотрелся в карту маршрута, лежащую на столе. Перед поворотом был обозначен укреплённый пункт. Также, если верить карте, перед ним и на всём протяжении поворота и подъёма на расстоянии километра друг от друга находились посты. Скоро голов-

ной бронепоезд будет проходить первый пост. Если дежурный не покажет жёлтый флажок, то он должен будет остановиться. Главное, чтобы наблюдатели следили за сигналами.

Прошло несколько минут. По моим расчётам бронепоезд с капитаном должен был уже миновать пост. Никаких сигналов пока не было. Я прильнул глазами ко второму перископу. По сторонам медленно проплывала снежная пустыня, освещенная розовыми лучами заходящего солнца, впереди красными глазами маячили хвостовые огни соседнего состава. Вот показались строения первого поста – будка дежурного и небольшой домик охраны, обнесённые колючей проволокой. У будки стоит дежурный с жёлтым флажком. Вроде, всё нормально.

Вдруг почувствовал лёгкий толчок в спину. Я оторвал глаза от перископа и увидел перед собой неестественно бледное лицо начальника поезда.

– Свяжись с капитаном – произнёс он с явственно слышимой дрожью в голосе – Что-то не так.

– Связь с начальником конвоя! – приказал я своему связисту. Тот закрутил ручку аппарата.

– Обрыв линии! – крикнул связист – щуплый паренёк в униформе на два размера больше.

Я поглядел на начальника поезда. Он бешено крутил свой перископ из стороны в сторону, прильнув к окуляру. Пальцы рук, сжимающие рукояти, побелели до синевы.

– По радиии давай! – приказал я, выругавшись.

Связист надел наушники, покрутил рукояти настройки и беспомощно развёл руками. Чудо техники работать явно не желало.

– Ракета! – раздался крик наблюдателя сверху – Срочная остановка!

– Экстренное торможение! – дал команду начальник поезда – Полный реверс!

Вахтенный рванул ручку машинного телеграфа. Раздался истошный визг, будто где-то поблизости резали поросёнка. Всё, что не было закреплено, включая людей, не успевших ухватиться за что-нибудь, полетело к передней стенке отсека. Через несколько секунд визг стих. Упавшие, ругаясь и кряхтя, начали подниматься.

– Сколько у вас людей? – спросил начальник поезда.

Я понял, что он имеет в виду бойцов охраны конвоя. В охране была полная рота из четырёх взводов, всего сто пятьдесят два человека, включая капитана, меня и четырёх лейтенантов. Получив мой ответ, пожилой лейтенант, как мне показалось, успокоился.

– Бог даст – отобьёмся – проговорил он себе под нос.

В бронепоезде находилось пять моих бойцов, включая связиста, которого, честно говоря, бойцом можно было считать с большой натяжкой. Остальные из роты охраны были раскиданы по эшелонам. Что же делать? Приказов от капитана нет, начальник поезда сам растерялся. В любом случае, надо отдавать хоть какие-нибудь команды. Главное – дать

понять людям, что всё под контролем, чтобы не поддавались панике.

– Лейтенант! – Я не узнал своего голоса, настолько он был твёрдым и жёстким – Все расчёты – по боевому расписанию. Дополнительные наблюдателей – наверх. Быть в готовности к отражению нападения.

– Да, сеньор! – пожилой лейтенант вытянулся и вскинул руку к виску. Глаза, прежде почти безумные, приняли осмысленное выражение. Он тут же принялся отдавать команды. По отсеку прокатился топот ног и через полминуты затих – все люди заняли свои места. Я посмотрел на своих бойцов, которых буквально накануне отъезда отобрал из четвёртого взвода. Они стояли передо мною с карабинами в руках. Узнать что-либо о каждом не было возможности, так как тех двух недель, за которые собрали роту охраны конвоя, было явно недостаточно для того, чтобы познакомиться с полутора сотнями человек. Мне не было даже известно, у кого из них имелся боевой опыт.

Я поглядел в перископ. На белую холмистую пустыню надвигалась ночь. Где-то в километре впереди краснели огни поезда. Если сейчас на составы будет нападение, мы с такой дистанции их даже защитить толком не сможем.

– Лейтенант – снова позвал я начальника поезда – Подводи поезд к переднему составу. До касания, понял?

– Так точно, сеньор! – от его былой спеси не осталось и следа. Я ухмыльнулся про себя. Похоже, лейтенант, несмот-

ря на свой возраст, ещё ни разу не был в настоящем бою. Но это и понятно: его погоны демонстрировали принадлежность к Армии Объединённого Королевства, я же принадлежал к знаменитой военной корпорации герцога Бонелли, которая уже лет десять непрерывно воевала в самых горячих точках.

Поезд мягко тронулся и потихоньку начал разгоняться.

– Всем быть рядом со мной и ждать команды – приказал я своим бойцам и прильнул к перископу. Огни соседнего поезда медленно приближались. Наконец, до красных фонарей, казалось, уже можно было дотянуться рукой. Бронепоезд начал мягко тормозить. Еле заметный толчок, скрип тормозов – и мы осторожно дотронулись до переднего состава. Однако же, команда своё дело знает – похвалил я про себя начальника поезда и его подчинённых.

В перископ по-прежнему ничего не было видно, кроме тёмно-серой равнины, перемежаемой холмами, и светло-серого неба, слегка розового на западе. Признаков нападения пока не было видно. Тут я вспомнил, что ещё до команды на срочное торможение начальник поезда что-то заподозрил. Что? Что было не так? Я спросил это у пожилого лейтенанта.

– Я по этому маршруту катаюсь уже пять лет – после некоторой паузы ответил начальник поезда – Знаю всех людей на постах. Но того, кто стоял сейчас, никогда не видел. Да и поза у него была какая-то не такая. Будто он первый раз в жизни с флажком вышел.

Я надеялся, что старик скажет что-то более конкретное.

Честно говоря, не хотелось предпринимать какие-то активные действия на основании лишь домыслов пожилого человека. Тем не менее, надо было как-то действовать, а для начала произвести разведку.

– Все на выход – скомандовал я своим людям, сам направившись к невысокой бронированной двери. Бойцы нестройной толпой последовали за мною. Эх, был бы сейчас со мной мой взвод, с которым прошли огонь и воду. И где я точно знал, на что способен каждый боец.

Снаружи только свет почти полной Луны, временами затеняющейся полупрозрачными облачками, нарушал темноту холодной ночи. Запоздало подумал, что надо было сказать бойцам, чтобы одели бушлаты. Да и самому тоже не мешало бы утеплиться. Казалось бы, больше года службы в Холодных Землях должны были приучить к таким вещам, но пара месяцев жизни в нормальных теплых краях не на шутку расслабили.

– Стой, кто идёт! – раздался окрик, когда наша группа приблизилась к стоящему впереди составу.

– Лейтенант Орсолини – поспешил ответить я. Похоже, лейтенант в этом поезде службу знает: сразу же выставил охранение – Где командир взвода?

– У головы состава, сеньор – вытянувшись по стойке смирно, чётко отрапортовал боец.

– Бертини! – подозвал я связиста. Его-то фамилию я хотя бы успел запомнить, в отличие от остальных.

– Я, сеньор! – подскочил мой связист.

– Сбегай в голову поезда, позови взводного.

Козырнув, связист убежал. Я проводил глазами быстро удаляющуюся спину и мелькающие пятки. Непонятно, каков он боец, но бегун неплохой.

Командир четвёртого взвода лейтенант Беккариа был примерно моего возраста, поэтому проблемы с управляемостью не должны были возникнуть. Родом он был, насколько я знал, из Милана, а жители крупных городов обычно более склонны к соблюдению порядка субординации.

Взводный, подбежав, хотел отрапортовать по полной программе, но я махнул рукой, чтобы не тратить время, и попросил доложить обстановку.

– Противника пока не видно, выставил охранение по всем направлениям, направил людей для установления связи с передними эшелонами – начал он свой доклад.

– Слушайте, лейтенант – прервал я его – Тут у вас где-то пост должен быть поблизости. Связывались с ним?

Лицо взводного мигом помрачнело.

– Я туда направил двух бойцов четверть часа назад. Только что вернулись. Там все убиты.

Дьявол! – выругался я. Дело принимало весьма хреновый оборот. Надо узнать, что там за поворотом. Не зря же начальник бронепоезда говорил, что это лучшее место для засады. Непосредственно перед поворотом находится укреплённый пункт. До него должно быть километра четыре. Надо сходить

туда на разведку.

Сначала решил поручить это дело лейтенанту, но тут же передумал. Лучше сделать это самому. В себе я был уверен, а вот если пойдёт кто-то недостаточно подготовленный, то может нарваться на засаду и зазря погубить людей. Единственное, что смущало – люди были для меня неизвестной величиной. Чего от кого ожидать – совершенно непонятно.

– Лейтенант – снова обратился я к взводному – у кого из этих бойцов есть боевой опыт? – Я кивнул на тех четырёх, что были со мной в бронепоезде. Они были как раз из взвода лейтенанта, и он, по идее, должен был знать, кто есть кто. Связиста я ещё раньше отправил искать обрывы телефонной линии. Взводный указал на двоих.

– Дайте мне ещё трёх надёжных людей. Схожу сейчас к укреплённому пункту, разведу обстановку.

Через пару минут у меня уже было пять бойцов. Я приказал всем утеплиться и надеть маскировочные халаты. Когда всё было готово, мы вышли.

Спустя четверть часа мы добрались до стоящего впереди эшелона. Там ничего узнать не удалось. Как сказали тамошний лейтенант и начальник того поезда, они переговаривались с третьим от хвоста составом с помощью фонарей, но никакой конкретной информации оттуда не получили. Приказав усилить бдительность, я направился дальше.

Не доходя до третьего состава, решил свернуть в сторону от железной дороги. От того поезда до укреплённого пунк-

та было не более полукилометра. Если вдруг, хоть в это и не хотелось верить, там засел враг, то они наверняка сейчас ведут за поездом наблюдение. И от них не скроется группа, направившаяся в их сторону.

К цели вышли с тыла, сделав приличный круг. Мы залегли метрах в трёхстах от невысокой стенки, сложенной из мешков, набитых землёй. Я достал бинокль и принялся рассматривать укреплённый пункт. Честно говоря, от такого громкого названия ожидалось что-то большее. Пять-шесть небольших строений барачного типа, вышка, по периметру – стена из мешков высотой чуть больше метра, да два ряда колючей проволоки. Вся площадь не более чем двести на двести метров, а железнодорожные пути делят этот квадрат ровно пополам. Часовой на вышке стоит, повесив карабин на плечо и переминаясь с ноги на ногу. Вроде, ничего особенного, но что-то не давало покоя. Слишком уж тихо, вообще, никакого движения. И ни одного горящего окна.

Вдруг с той стороны, где должны были находиться бронепоезд с капитаном и головной состав, ветер донес звуки боя. Их я ни с чем не смог бы спутать. Часовой на вышке не мог их не слышать. По всем правилам он должен был поднять тревогу, но вместо этого просто смотрел в ту сторону. Я посмотрел в бинокль туда, откуда доносились выстрелы и взрывы, но так ничего не смог разглядеть из-за холма, за который как раз и ныряла железная дорога.

В этот момент Луна вышла из очередного облака, и ста-

ло намного светлее. Я снова принялся рассматривать опорный пункт, теперь уже стараясь подмечать каждую мелочь. Вот прямо посреди прохода между строениями лежит патронный ящик, а то тёмное пятно – явно след разорвавшейся гранаты. И тут я заметил, что в бараках побита половина стёкол в окнах. Всё ясно – не так давно здесь шёл бой, а гарнизон уже ждёт приёма у Святого Петра.

Опорный пункт, несомненно, надо брать. Но сколько же в нём сейчас засело врагов? Если не больше десятка, то мы справимся своими силами. Наверняка большая часть их сейчас там, где идёт бой. Сколько ни всматривался я в строения и укрепления пункта, так и не смог ничего увидеть. Было понятно, что противник затаился и вряд ли даст себя обнаружить. Ближайший эшелон от них сейчас в полукилометре, и они наверняка предполагают, что за укреплённым пунктом с него сейчас должны наблюдать. Некоторое время во мне боролись два желания – сползть туда, чтобы всё разведать более досконально, или произвести налёт.

Неожиданно звуки боя усилились. Стало ясно, что времени нет – тем, кто сейчас находится в головном бронепоезде и следующим за ним эшелоне, срочно требуется помощь. Но и устраивать налёт без доскональной разведки – это авантюра. А вдруг их там целая сотня? Я вытащил из планшетки блокнот, карандаш и принялся быстро набрасывать схему. Когда закончил, подозвал самого, на мой взгляд, приткого из моих людей.

– Слушай, боец – обратился я к нему – Передай это лейтенанту на ближайший состав. Обрати движайся по нашим следам, метров сто проползи, а дальше – бегом, что есть духу. Понял?

– Так точно, синьор!

– Всё, вперёд – выполнять.

Боец скрылся в темноте. Мой план был довольно прост. Командир взвода, находящегося в ближайшем к опорному пункту составе, выделяет два десятка людей для организации засады. Эти люди должны скрытно подобраться к заграждению пункта, незаметно сделать несколько проходов в колючей проволоке и дать сигнал фонариком. По сигналу ближайший эшелон дает команду задним составам на движение вперед малым ходом и одновременное уменьшение дистанции. Далее передний состав потихоньку приближается к укрепленному пункту с таким расчётом, чтобы в момент подхода к периметру дистанция между составами была порядка сотни метров.

Я рассчитывал, что приближение такого каравана должно вызвать какие-то активные действия со стороны противника. Таким образом, он себя раскроет и моментально подвергнется нашему огню со всех сторон. Даже, если у противника имеется численный перевес, всё равно, выучка дикарей не может идти ни в какое сравнение с таковой боевого подразделения, входящего в корпорацию герцога. Жаль, конечно, что я не могу первым поставить бронепоезд.

Время шло, но никакого движения со стороны наших эшелонов пока не наблюдалось. Звуки из-за холма продолжали доноситься. Что же там происходит? Отправиться туда сам я не могу – вот-вот начнётся операция. Направить бойца, чтобы посмотрел? Тоже не самая лучшая идея: одного посылать нельзя, а если двоих, то это ослабит и без того немногочисленный мой отряд. Да и то – сколько времени займёт такая разведка? Судя по громкости звука, до места боя – километра два. Но это по прямой. А, с учётом неизбежного крюка, все три или четыре. Часть пути придётся ползти. Да плюс обратная дорога. Оставалось только ждать, напряженно вслушиваясь в звуки боя, и стараться по этим звукам гадать о том, как идёт сражение. Только бы продержались – мысленно повторял я про себя, читая подходящие для данного случая молитвы.

Как же долго тянется время! Я достал из кармана часы. Ого! Мне казалось, что прошло не меньше часа, как я послал солдата со схемой операции, но на самом деле это было чуть более десяти минут назад. Всё должно начаться совсем скоро. Наконец, я заметил еле уловимое движение на снегу около колючей проволоки. Судя по всему, это наши бойцы начали резать проходы. Значит, всё идёт по плану.

Прошло ещё несколько минут, и со стороны ближайшего поезда раздался отрывистый гудок. Паровоз окутался облаками пара. Такие же сигналы донеслись по очереди с остальных эшелонов. Началось!

Локомотив медленно приближался, сверкая глазом прожектора и пыхтя клубами пара. Следом показались остальные эшелоны. Вот до периметра, ограниченного рядами колючки, паровозу осталось преодолеть каких-то сто метров. Он стал замедлять ход. Я буравил взглядом территорию опорного пункта. Какие-то тени мелькнули на фоне стен барakov. Показалось? Я протёр запотевшие окуляры и снова прильнул к биноклю. Так и есть: наблюдалось явное перемещение противника к железнодорожным путям.

Я весь напрягся. Сердце билось, как перед первым боем. Взял у ближайшего бойца карабин, чтобы, как только всё начнётся, снять часового на вышке. Мой офицерский автомат, стреляющий pistolетными патронами, для этих целей не годился. Состав со скоростью пешехода протискивался на территорию пункта. Сейчас он должен сделать вид, что останавливается, но вместо этого дать полный пар и проехать насквозь всю территорию. По моим расчётам, противник должен был начать стрелять как раз в тот момент, когда локомотив начнёт разгоняться.

Хотя я и ожидал этого, тем не менее, стрельба началась внезапно. Может, я в глубине души надеялся на то, что противник не решится напасть, а даст спокойно проехать моим эшелонам? Тщательно прицелившись из карабина, спустил курок. Часовой качнулся, затем, перевесившись через перила вышки, полетел к земле. К поезду со стороны барakov побежали какие-то люди. По ним тут же раздались вы-

стрелы. Стреляли как со стороны эшелона, так и из засады. Противник оказался довольно многочисленным. В темноте и суматохе, конечно, точно сосчитать было невозможно, но по моим прикидкам, там было никак не меньше трёх десятков человек. Кое-кому удалось добежать до состава и даже вскочить на подножки вагонов. Но никаких шансов у них, конечно, не было. На нашей стороне были выучка и фактор неожиданности. Огня с флангов они совершенно точно не ожидали. Через пару минут боя я увидел с десятков фигур, бегущих в нашу сторону со стороны заграждения. Видимо, это были самые умные представители, раз они первыми сумели угадать исход боя и вовремя сделать ноги.

Я сказал, чтобы огонь открывали только по моей команде, отдал бойцу его карабин и взял свой автомат. Первую очередь дал, когда до противника оставалось метров сто. Следом защёлкали выстрелы моих людей. Всё закончилось в несколько секунд – десятков трупов остался лежать на снегу. Через минуту всё стихло и на железной дороге. Всё, надо идти к эшелонам. Встал и дал знак людям следовать за мной.

Результаты боя оказались весьма впечатляющими – больше трёх десятков трупов врагов лежали вдоль путей и на территории укреплённого пункта. С нашей стороны было несколько раненых и двое убитых. Я приказал сцепить составы и средним ходом следовать вперёд – в сторону скрытых за поворотом бронепоезда и переднего состава. Большую часть бойцов поместил в голову, десятков человек оставил на пунк-

те, чтобы всё как следует прочесали. Теперь хвостовой бронепоезд находился всего в трёх сотнях метров от головы нашего объединённого эшелона и мог, в случае чего, прикрыть огнём из пушек. Я посмотрел на часы. От момента, когда всё началось, прошло полтора часа. Звуки боя из-за холма пока не прекращались, и это вселяло надежду, что наша помощь не опоздает. Единственное, что настораживало, это то, что не было слышно выстрелов из пушек бронепоезда.

Поворот начинался почти сразу за укреплённым пунктом. Дорога впереди была видна всего-то метров на триста-четырееста. Наша скорость сейчас была километров двадцать в час и, как бы ни хотелось идти быстрее, существовала опасность не успеть, в случае чего, вовремя затормозить.

Внезапно из-за поворота вынырнули хвостовые огни поезда. Я дал команду сбавить ход. Грохот ожесточённого боя стоял совсем близко. Вдруг пятно света прожектора нашего паровоза выхватило какие-то фигурки, пробегающие между нами и стоящим впереди составом. И тотчас по паровозу забарабанили пули. Я пригнулся в люке, чтобы не схватить в лоб кусок свинца. Бойцы из моего поезда дружно открыли огонь по мелькающим теням.

– Лейтенант – подозвал я взводного с моего поезда – Мы сейчас подъедем к тому эшелону – я кивнул вперёд – Вы берите свой взвод и быстро выдвигайтесь в обход вдоль путей. Держитесь от дороги так, чтобы вас не заметили. Когда окажитесь у них с тыла – ударьте.

Лейтенант козырнул и убежал. Тем временем, до стоящего впереди поезда оставалось метров сто, и мы приближались к нему со скоростью пешехода. Пространство между составами было уже очищено огнём. Основная стрельба слышалась ближе к середине и голове переднего состава. Вот мы коснулись хвоста, и по вагонам через весь наш длиннющий эшелон прокатилась волна. И тут где-то посередине переднего состава с новой силой затрещали выстрелы. Хотелось думать, что это начал стрельбу тот взвод, который я направил обойти нападавших с тыла.

Через минуту стрельба постепенно стала стихать, пока не прекратилась совсем. Я выскочил из поезда, прихватив с собой тех бойцов, с которыми ходил в разведку, и побежал вдоль переднего состава. Неяркий свет Луны открывал жуткую картину: всё пространство на сотню метров от путей чернело телами убитых и раненых. Некоторые вагоны были повреждены взрывами, один из тех, что были ближе к голове, горел, освещая окружающую местность. Но самое страшное я увидел, когда подбежал к паровозу. Метрах в двухстах впереди лежали перевёрнутые вагоны бронепоезда. Время от времени из искорёженного металла вырывались языки пламени.

Боже! Остался ли там кто-нибудь живой?

– Кто здесь командует? – крикнул я что было мочи. С одного из вагонов спустился человек и подошёл ко мне, слегка шатаясь.

– Капрал Корелли – представился он. Похоже, офицеры все убиты, раз командует капрал.

– Сколько у вас людей в строю?

– В строю пятнадцать, но многие ранены.

– Что с бронепоездом? Кто-нибудь выжил?

– С бронепоезда к нам перешло восемь человек. Из них сейчас трое в строю, трое убиты, двое тяжело ранены, включая капитана.

– Капитан жив? – новость заставила учащённо биться сердце.

– Жив, но ранен очень тяжело.

Я подозвал бойца и направил его ко второму эшелону за людьми. В этот момент ко мне подошёл лейтенант, которого я послал напасть на противника с тыла. Видно было, что он до конца ещё не отошёл от боя: глаза на раскрасневшемся лице лихорадочно блестели, рука постоянно смахивала несуществующий пот со лба.

– Сеньор лейтенант, противник уничтожен – доложил он, слегка заикаясь от возбуждения.

Конечно, направляя его в обход с тыла, я рисковал. Если бы противник был опытнее и выставил охранение, исход мог быть совсем иным. Но я рассчитывал, что обычные бандиты и налётчики не воюют по уставам. И оказался прав.

– Молодец, лейтенант – я постарался одобрительно улыбнуться, но получилось это с трудом: беспокоило тяжёлое ранение капитана – Потери есть?

– Так точно, потери уточняются, но предварительно около десятка убитых и тяжелораненых.

Да, потери немалые, а после уточнения могут оказаться ещё выше. Чёрт, где там мой боец с людьми?

– Выносите тяжелораненых наружу – приказал я капралу, всё так же стоящему рядом и ждущему распоряжений.

Наконец, увидел бегущих ко мне людей. Сказал им, чтобы помогали выносить раненых и тащить их в санитарный вагон. Я хотел спросить капрала, в каком вагоне находится капитан, но тот уже исчез. Вокруг эшелона началась обычная в подобных ситуациях суэта. Из состава выносили раненых. Я распорядился, чтобы выставили охранение, и направился вдоль поезда.

– Сеньор лейтенант – окликнули меня сзади. Я обернулся и увидел двух бойцов с носилками. На носилках лежал человек, с ног до головы обмотанный бинтами.

– Сеньор капитан вас просит – сказал один из бойцов.

Я подошёл к носилкам и едва узнал капитана в лежащем человеке. Голова была забинтована, оставляя только мертвенно бледное лицо. Впалые глаза приоткрылись и вопросительно смотрели на меня. Пальцы правой руки чуть шевельнулись. Я понял, что он делает знак подойти.

– Орсолини – прошептал он, когда я наклонился – Что с конвоем?

– Противник уничтожен, опорный пункт отбит, потери уточняем – чётко отрапортовал я.

– Сандро, я всегда знал, что ты настоящий солдат – слабым хриплым голосом ответил капитан. Услышав из его уст своё имя, я на миг потерял дар речи. У меня всегда была уверенность в том, что он вообще не знает, как меня зовут.

– Командуй – тем временем, всё так же еле слышно проговорил он – Доведи конвой до места. Ты видишь – я всё.

– Сеньор капитан, вы обязательно поправитесь. Я буду счастлив служить под вашим командованием – было невыносимо больно видеть в подобном состоянии этого совсем недавно такого сильного человека. Так больно, что на глаза навернулись слёзы. Он слегка приподнял руку, будто хотел отдать честь. Я выпрямился и приложил руку к виску.

Капитана унесли. Ко мне подошёл врач из санитарного вагона.

– Плох он – тихо произнёс доктор – У него ожоги больше пятидесяти процентов и несколько пулевых и осколочных ранений. Одно очень опасное в живот.

– Какие у него шансы? – спросил я.

– Скажем так, если бы его сейчас положили в хороший госпиталь, то пятьдесят на пятьдесят.

– Вы что-нибудь здесь сможете сделать?

– Почти ничего.

– А в Эссене есть нормальный госпиталь?

– Скажем так, не то, чтобы очень хороший, но, в принципе, нормальный.

Манера речи доктора начинала раздражать. Я уже готов

был выдать какую-нибудь резкость, но вовремя взял себя в руки.

– Хорошо, доктор, идите – я постарался сказать это как можно более спокойным голосом – И сделайте всё возможное. И невозможное тоже.

Я посмотрел в глаза медику так, чтобы он осознал всю ответственность момента.

Врач как-то странно втянул голову в плечи и засеменял в сторону санитарного вагона. Какое-то время я смотрел ему вслед. В голове роились мысли. Довести конвой до Эссена. Нет, не так. Довести с живым капитаном. Я вдруг осознал, что капитан мне стал практически родным человеком. И его надо спасти, во что бы то ни стало.

Я напрягся, вспоминая схему маршрута. От Милана до опорного пункта было восемьсот километров. Весь маршрут – полторы тысячи. Значит, осталось семьсот. В принципе, хорошего ходу с парой заправок углём и водой часов на десять-двенадцать. Но нашего конвоя это не касается. В самом лучшем случае эту дистанцию мы сможем преодолеть за трое суток. Если двигаться в сцепленном состоянии, как сейчас, то, теоретически, можно выиграть несколько часов. Но это большой риск: такой длинный эшелон на высокой скорости очень тяжело управляем, и может разорваться, а то и сойти с рельс. Единственный выход – выпустить вперёд состав с санитарным вагоном, чтобы он на всех парах гнал к конечному пункту. Но это тоже не самая лучшая идея: в случае нападе-

ния без прикрытия бронепоездом такой эшелон становится почти беззащитным.

Но и бронепоезд я тоже не мог на это выделить. Во-первых, само наличие бронепоезда и необходимость постоянно поддерживать определённую дистанцию сильно замедлило бы передвижение. Ну, и опять же – как я могу оставить без защиты остальные составы? Время шло, а я всё так же не мог принять какого-либо решения.

Наконец, решился на компромисс. Состав, который я собрался послать вперёд, можно усилить дополнительными людьми и вооружением. Конечно, без бронепоезда тяжело будет отразить массированное нападение, но я надеялся, что после того, как мы здесь разбили такие крупные силы, здешние бандиты, по меньшей мере, несколько недель будут зализывать раны. Ведь наверняка для такой серьёзной акции они собирали людей в радиусе нескольких сотен километров.

Посадить на поезд полтора взвода пехоты да ещё в качестве дополнительного аргумента поставить туда чудо-оружие – пулемёт. Это оружие на фронте было примерно такой же редкостью, как танк. В книжках про Старое Время, которые отец называл «фантастикой», пулемёты упоминались постоянно, но, что в Армии Королевства, что даже и в корпорации Герцога, они стали появляться лишь последние несколько лет. В книгах из библиотеки казарм Герцога я прочёл, что пулемёты в Старое Время действительно имелись в очень больших количествах. Промышленность Объединён-

ного Королевства, как оказалось, ещё лет двадцать назад пыталась наладить выпуск этого оружия, но каждый раз упиралась в две главные проблемы. Долгое время не могли выплавить сталь подходящего качества для стволов. Да и с производством патронов тоже было далеко не всё гладко. Эти проблемы стали более или менее решаться только в последние шесть-семь лет.

Вообще, из этих книг я почерпнул очень много сведений по истории Старого Времени. Оказалось, что то, что мой отец считал вымыслом и бреднями, тогда было обыденностью. Летающие аппараты, способные за час пересечь всё Королевство, ракеты, достигающие других планет. И даже такие бомбы, взрыв одной из которых мог за секунду испепелить такой крупный город, как Наполи или даже мои родные Сиракузы.

Итак, я принял решение. Первоначально думал снять пулемёт с головного бронепоезда, но тот оказался сильно повреждённым. Пришлось брать с моего. Единственное, что можно было взять из искорёженной груды металлолома – это уголь. Его перегрузили в эшелон, который я собирался послать вперёд. Таким образом, теоретически, ему теперь могло хватить и одной заправки угля. Хотя проблема воды всё равно оставалась.

Через пару часов авральной работы можно было отправляться в путь. Ближайшим местом, где можно было бы перестроить эшелоны, был разъезд, находящийся в пятидеся-

ти километрах. В нашем обычном черепашьем темпе до него предстояло ехать часа два.

При разъезде находился укрепленный пункт. И, что было похоже на чудо, в нём имелась работающая радиостанция. Я связался с Эссенем, доложив о происшествии и о своих планах. В ответ получил приказ задержаться до принятия решения вышестоящим начальством. Естественно, я сделал вид, что приказа не расслышал. Неизвестно, сколько времени это начальство будет думать, а у меня раненые, для которых задержка в несколько часов – вопрос жизни или смерти. Поэтому из пункта связи я побежал к составам – отдавать распоряжения.

Через четверть часа, несмотря на протестующие вопли и истерические завывания начальника станции, первый состав на всех парах помчался вперёд. Я же, не спеша, двинулся обратно к узлу связи доложить о том, что эшелон уже выехал. И что было бы крайне желательным заранее подготовить два десятка мест в госпитале.

Связь и в самом деле была неважная. Радисту мой доклад пришлось отстукивать ключом, так как голос почти не прорывался сквозь помехи. Передав всё, что хотел, я направился к моим эшелонам. Надо было готовить то, что осталось от конвоя, к отправке. Однако завершить подготовку мне не дали: где-то через час прибежал вестовой и передал, что меня срочно вызывает начальник станции. Я выругался про себя, но ничего не оставалось, кроме, как идти.

Начальник станции – полноватый мужичок средних лет с погонами лейтенанта Армии Королевства – положил передо мной на стол лист бумаги. Его лицо прямо-таки лучилось торжеством, что тут же вызвало какие-то смутные предчувствия. Листок был стандартным бланком для радиограмм. Я пробежал текст и похолодел. В радиограмме говорилось о том, что меня отстраняют от командования конвоем и задерживают на станции до ближайшего поезда в Королевство. Далее меня следовало доставить в Падову к маркизу Бриенца. Земля качнулась под моими ногами. Боже милостивый! За что ты меня так наказываешь? Минуту назад я чувствовал себя героем, чуть ли не спасителем Королевства, причём, мои люди тоже так меня и воспринимали. И вдруг – арестант с неясными перспективами.

3

До посадки на поезд почти сутки пришлось просидеть на местной гауптвахте вместе со здешними пьяницами и дезертирами. Офицеров среди них не было, поэтому я стал объектом повышенного внимания со стороны этой публики. Я старался держаться независимо и соблюдать дистанцию. Но, в то же время, демонстрировать доброжелательность. Всегда, когда мне приходилось по тем или иным причинам сталкиваться с армейскими, удивляло их вольное отношение к порядку субординации. В принципе, неудивительно, что боеспособность подразделений Армии Королевства на голову ниже тех, что принадлежат корпорации Герцога.

Путь в Королевство прошёл без приключений: похоже, мы надолго отбили у местных грабителей охоту нападать на эшелоны. Через неделю меня под конвоем доставили в одиночную камеру гауптвахты казарм Герцога. Нельзя сказать, чтобы содержание в камере было уж слишком суровым: кормили нормально, два раза в день выводили гулять и даже не пристёгивали на день нары к стене. Последнее было явным послаблением режима. Однако когда на второй день я набрался наглости попросить у надзирателя принести книги из библиотеки, тот странно посмотрел на меня и, хмыкнув, сказал, что сеньор лейтенант желает слишком многого. Через пять дней за мной пришли два конвоира.

– Оставьте нас – приказал моим конвоирам маркиз Бриенца, когда меня ввели в его кабинет.

Я стоял посреди просторной комнаты с высокими потолками, вытянув шею и прижав ладони к бёдрам, в то время, как адъютант Герцога прохаживался передо мной взад-вперёд, рассматривая меня с любопытством, словно зверушку в зоологическом саду. Это продолжалось не менее пяти минут.

– Ну, что, герой? – начал, наконец, маркиз с усмешкой, не предвещавшей ничего хорошего – Как ты думаешь, за что тебя арестовали?

Насчёт причины моего нынешнего положения, честно говоря, сомнений было немного.

– Полагаю, ваше сиятельство, за самоуправство и наруше-

ние приказа – чётко отработовал я.

Похоже, маркиз остался доволен ответом. Лицо расплылось в улыбке, которая однако, быстро исчезла без следа.

– Правильно полагаешь – произнёс он, всё так же продолжая ходить взад-вперёд – А ты не мог бы объяснить свой проступок?

– Так точно, Ваше сиятельство, могу.

– Ну, и что же тебя заставило нарушить приказ?

– У меня было два десятка тяжелораненых, которым срочно требовалась помощь. Каждый час промедления уменьшал их шансы на выживание. Поэтому я усилил эшелон с ранеными личным составом и вооружением и отправил их в Эссен на всех парах. Возможно, моё решение было не самым оптимальным, но в тот момент ничего лучшего я придумать не мог.

– Значит, людей тебе жалко больше, чем себя? – Маркиз на мгновение остановился и пристально взглянул на меня, странно усмехнувшись.

– Ваше сиятельство, когда я принимал это решение, то не думал, что буду наказан.

– Может, ты думал, что за это получишь внеочередное звание? – ухмылка растянулась уже во весь рот.

Честно говоря, после того, как удалось отбить такое серьёзное нападение, хотелось надеяться на какую-нибудь награду. Конечно, о том, что мне присвоят звание капитана, я даже не мечтал. Но от прибавки к жалованию не отказался

бы.

– Ваше сиятельство – ответил я самым серьёзным тоном, на какой был способен – Когда я это делал, то не думал ни о наказаниях, ни о наградах. Только о спасении раненых. И если в результате моих действий кто-то из моих раненых выжил, то любое наказание я приму спокойно.

Маркиз остановился, как вкопанный и долго смотрел мне прямо в глаза.

– Я понимаю вас, лейтенант – произнёс он после затянувшейся паузы – На вашем месте я, наверное, поступил бы так же.

До меня не сразу дошло, что он перешёл на «вы», что при обращении старшего к младшему являлось знаком особого уважения.

– Лейтенант – он снова посмотрел мне в глаза – Скажите мне одну вещь. Что вас связывает с Домом Варбургов?

Прозвучавшее имя этой самой влиятельной банкирской семьи Королевства тут же вызвало лавину воспоминаний. Франческа и нумидийские рысаки, из-за которых я чуть не оказался проданным на плантации. Герцог, который меня выкупил и сделал новым человеком – офицером и боевым командиром. Казалось, это было сто лет назад, ещё в Старое Время. Но на самом деле прошло всего-то меньше двух лет.

Я ответил, что задолжал Варбургам кучу денег, но Герцог меня выкупил, и теперь меня с этими банкирами ничего не связывает.

– А тогда вы можете мне ответить, почему эти уважаемые люди так интересуются вашей скромной персоной?

Маркиз продолжал пристально смотреть на меня так, что невольно пробрала дрожь. Я не мог ничего ответить на его вопрос.

– Может, они решили, что продешевили, продав меня тогда Герцогу? – произнёс я первое, что пришло в голову – И хотят ещё чего-нибудь получить?

– Лейтенант – Бриенца снова зашагал по кабинету, заложив руки за спину – Они хотят получить тебя!

Я потерял дар речи. Господи, за что? Почему они никак не могут успокоиться? Может, это кто-то мстит? Кто-то хочет непременно упрятать меня на плантации? Или в шахты?

– Слушай – Маркиз приостановил свой бег – Его Высочество не хочет тебя им отдавать, да и друг его капитан Манчини за тебя просит.

– Капитан жив? – воскликнул я, прервав маркиза на полуслове.

Такая вопиющая бестактность заставила его недовольно поморщиться. Похоже, что он хотел сделать мне резкое замечание, но передумал.

– Жив, жив твой капитан. Состояние ещё довольно тяжёлое, но доктора говорят, что поправится. На нём, как на собаке всё заживает.

Судя по всему, маркиз капитана недолюбливал, и только покровительство Герцога спасало того от какой-нибудь ды-

ры. Хотя, собственно, те места, где воевал Манчини, сложно назвать райскими. Да и чин у него мог бы быть и повыше. Человек служит уже лет двадцать, а всё – капитан. Видно, что он не злоупотребляет покровительством своего друга.

– Так вот – продолжил маркиз – Ты для нашей корпорации – ценный кадр. Хотя, конечно, невыполнение приказа – очень плохой звоночек. Сегодня ты спасал раненых, а завтра тебе ещё чёрт те что придёт в голову – последнюю фразу Бриенца произнёс уже с нескрываемым раздражением.

– Но, кажется, у нас нет другого выхода, как тебя им отдать – добавил он уже спокойным тоном – Они сделали предложение, от которого невозможно отказаться.

Какое, к чёрту, эти банкиры могли сделать предложение? Повозку золота? С тем, чтобы потом сгноить меня на плантациях? Я всё больше склонялся к мысли, что это чья-то месть. Но чья? Франчески? Её мужа – банкирского сынка?

Маркиз замолчал, снова начав мерить шагами свой просторный кабинет. Я решил воспользоваться паузой.

– Ваше сиятельство, а я могу узнать, какое предложение сделал за меня Дом Варбургов?

Бриенца какое-то время задумчиво смотрел на меня. На его лице читалась борьба. Наконец, он принял решение.

– Слушай, лейтенант – тихо произнёс он – Я скажу тебе, если ты будешь держать язык за зубами.

Снова повисла молчаливая пауза. Я хотел было сказать, что забуду обо всём, что здесь услышал, но маркиз не дал

мне сделать это, продолжив свою речь.

– Угольные конвои всегда охраняла Армия Королевства. И, надо сказать, охраняла хреново. В среднем, один из двадцати-тридцати эшелонов оказывался разграблен. Недавно нам удалось взять очень выгодный контракт на охрану этих конвоев. И тут выходит, что первый же наш конвой подвергается нападению, уничтожается бронепоезд, гибнет куча народа. То есть, мы с работой справляемся плохо. Но на контракт кроме нас претендовал граф Кантельмо. Его корпорация нам, конечно, в подмётки не годится, но мало кто знает о том, что за графом торчат уши Ватикана. И сейчас после всей этой истории вокруг контракта снова разгорелась нешуточная борьба.

Маркиз снова сделал паузу, взглянув на меня.

– Так вот, Герцог очень не хочет упустить это дельце, хотя сейчас Королевский Совет начал склоняться в пользу графа. И тут поступает предложение от Дома Варбургов. Они говорят, что берутся провести решение Совета в нашу пользу, но за это мы должны отдать им тебя.

Я был просто ошарашен. Боже, какие силы крутятся вокруг моей скромной персоны!

– Ты не можешь предположить, зачем ты им так нужен? – спросил Бриенца, разглядывая меня с интересом.

Я ответил, что единственное объяснение, которое мне приходит в голову, что это чья-то месть.

– Крепко же ты кому-то насолил, парень – хмыкнув, про-

изнёс маркиз – Не завидую тебе, однако.

На этом аудиенция была завершена. В конце мой собеседник добавил, что вопрос со мной ещё будет решаться, но по его виду и интонациям было понятно, что решение принято.

Я ещё три дня просидел на гауптвахте, а затем в мою камеру вошли конвоиры. После некоторых формальностей, в ходе которых мне дали подписать кое-какие документы, я под охраной из двух вооружённых бойцов был направлен в Венето – столицу банковской империи Варбургов.

Ехали в специальном экипаже с зарешётчатыми окнами, запряжённом четвёркой лошадей. Кучер гнал всю дорогу, разгоняя редкие экипажи и пешеходов. Видимо, выполнял чьи-то инструкции. В результате, до резиденции Дома Варбургов доехали всего за час. Там конвоиры сдали меня под роспись офицеру в форме службы безопасности банкирского дома. Офицер, оглядев меня с ног до головы, в сопровождении пары охранников повёл меня куда-то вверх по широкой мраморной лестнице.

Я впервые в жизни увидел такую роскошь. Даже резиденция самого Герцога выглядела намного скромнее. Кругом всё сверкало золотом и мрамором, стены были увешаны картинами с портретами каких-то, судя по всему, знатных лиц и гобеленами со сценами из древних времён. На лестнице, по которой мы сейчас топали своими сапогами, лежал огромный ковёр стоимостью, наверное, с небольшое поместье. Кажалось, здесь всё должно было подчёркивать значимость вла-

дельцев этого здания.

Свернув с лестницы в коридор, наша процессия остановилась перед резной деревянной дверью цвета тёмного дуба. Офицер нажал кнопку звонка. Когда раздался щелчок, и створка распахнулась, он сделал жест рукой, приглашая войти. Я последовал жесту, а мой конвой остался снаружи.

Внутри моему взору представилась небольшая комната, освещённая висевшим под потолком электрическим фонарём, со столом у противоположной входу стены. За столом сидел довольно пожилой человек в очках с аккуратной седой бородкой. Тёмные волосы его обильно разбавлялись сединой. Мне приходилось видеть банкиров, но тот, кто сидел сейчас передо мной, совсем не вызывал своим видом ассоциации с представителями этого класса людей. Больше всего он смахивал на преподавателя какого-нибудь университета или технической школы. Пока я строил относительно него свои догадки, человек начал говорить.

– Здравствуйте, Орсолини – глаза смотрели из-под очков, как показалось, чуть насмешливо – Меня зовут доктор Вьеццоли. Я – технический эксперт Банкирского Дома Варбургов. Прошу вас, присаживайтесь – и он жестом указал на стул перед собой.

– Здравствуйте, сеньор – ответил я – благодарю вас. И уселся на указанное место. Возникла некоторая пауза.

Я старался выглядеть как можно более спокойным, но мозг буравила лишь одна мысль: зачем я понадобился этим

банкирам, и причём здесь технический эксперт?

– Руководство Дома Варбургов – меж тем продолжал доктор Вьеццоли – хочет поручить вам одну работу, но они должны быть уверены в том, что ваша квалификация подходит для этого.

Услышанная фраза несколько успокоила. Видимо, банкиры собираются направить меня инженером на какое-нибудь предприятие из тех, что им принадлежат. Ну, что же, это, по крайней мере, лучше, чем на плантацию или на шахты.

Далее мой собеседник принялся подробно расспрашивать меня о моей деятельности на заводе в Сиракузах. За те пять лет, что я там проработал, мне довелось поменять несколько участков – от металлургического до сборочного. Когда я рассказывал доктору о своём опыте, он внимательно слушал, время от времени слегка, как показалось, одобрительно кивая головой.

– Хорошо – произнёс он, когда я замолчал – Хотя вы проработали не слишком долго, тем не менее, успели изучить очень многое.

А дальше он стал задавать вопросы, услышав которые я вновь почувствовал себя студентом технической школы. Вопросы касались различных наук, в основном, физики, химии и электротехники. Если бы мне дали на подготовку хотя бы пару недель, то я, разумеется, смог ответить намного лучше. Но почти два года службы дали о себе знать. Да и работа на заводе не слишком способствовала закреплению того, чему

учили в школе. Тем не менее, доктор, казалось, остался доволен моими ответами. Всё-таки, Королевская Техническая Школа Сиракуз не зря считается одной из лучших в стране. Да и не так-то много тех, кто, как я смог окончить её с отличием.

Через какое-то время мой собеседник закончил задавать вопросы, встал и, улыбнувшись, попрощался. Мне показалось, что результатами экзамена он остался удовлетворён.

Я вышел из кабинета к ждавшим меня всё это время офицеру с солдатами.

– Прошу вас, сеньор – сделал жест рукой офицер, и мы продолжили путь по лабиринтам коридоров дворца Дома Варбургов, пока не остановились перед широкой двустворчатой дверью метра четыре высотой, сверкающей резьбой с позолотой. Створки бесшумно открылись.

Меня ввели в большой зал с высоченным потолком, расписанным в виде звёздного неба с Луной в последней четверти и Млечным Путём, пересекающим всё небо. По периметру зала стояли колонны из розового мрамора, словно поддерживая небесный свод. Под этим нарисованным небом я вдруг почувствовал себя червём, ползущим куда-то по своим мелким делам под взглядом самого Господа. Мои провожатые, пока я, разинув рот, оглядывался по сторонам, куда-то испарились.

– Сеньор Орсолини? – вдруг раздался негромкий голос, казалось, прямо с небес.

Я огляделся и увидел в самом центре зала человека лет сорока среднего роста с правильным красивым лицом и аккуратно подстриженной бородкой. Меня совсем бы не удивило, если бы он сейчас представился господом богом.

– Да, это я, сеньор – ответил я.

– Сеньор Орсолини, готов ли ты служить богу и королю?

– Готов, сеньор, я и сейчас служу богу и королю.

– Я знаю это. Ты хорошо служишь. Но тебе придётся послужить в другой ипостаси.

Во мне шевельнулось что-то вроде настороженности. О какой такой другой ипостаси говорит мой собеседник?

– Какой другой? – спросил я.

– Ты совсем скоро узнаешь это, мой друг.

Обращение «мой друг» немного расслабило, и я решился задать ещё вопрос.

– Кто вы, сеньор?

Возникла небольшая пауза. На лице моего собеседника появилась едва заметная усмешка.

– Кто я? Я тот, кто владеет всем этим твоим миром.

Владеет моим миром? Я думал, что это король или папа римский. Может, передо мною сейчас и вправду сам господь бог?

– Сейчас ты свободен, друг мой – тем временем, продолжал этот странный человек – Тебе выделяют достойные покои, чтобы ты отдохнул и набрался сил перед важными делами.

Я хотел ещё что-то спросить, но мой собеседник сделал

жест рукой по направлению к двери, в которую я вошёл. Дверь тотчас открылась, и на пороге появились всё те же офицер с конвоирами.

Меня привели в роскошно отделанное помещение с высокими потолками. Офицер провёл меня по всем углам, поясняя что, где и для чего служит. На тюрьму это было совсем не похоже. Скорее, на номер первойклассной гостиницы, типа той, где мы отдыхали с Франческой, когда путешествовали из Сиракуз в столицу Королевства – Наполи. Тогда я за три дня пребывания там отдал своё месячное жалование.

Когда конвоиры оставили меня одного, первым делом я направился в ванную комнату. О, боже! Там была настоящая ванна. В доме моего отца их было даже две, но лежать в них обычно не разрешали, так как греть такое количество воды было слишком дорого. Собственно, тогда в гостинице с Франческой это и был последний раз, когда удалось нормально понежиться в ванной.

Я открыл краны и потрогал воду. Из того, что был отмечен красным, на самом деле текла горячая вода. Через десять минут, когда ванна наполнилась, я скинул одежду и с головой погрузился в приятное тепло.

Когда через час я вышел из ванной комнаты, то увидел на столе ужин. Да, когда мы с Франческой ходили по дорогим ресторанам, я пробовал подобные блюда. Но то были рестораны, а это, фактически, тюрьма. На столе среди всяческих яств в серебряном ведёрке стояла бутылка вина. Я посмот-

рел на этикетку и обомлел: это было настоящее тосканское кьянти пятилетней выдержки. На своё, весьма немаленькое, лейтенантское жалование я смог бы купить не более десятка таких бутылок.

Утром, когда я ещё лежал в постели с больной после выпитого вина головой, в мою камеру заявила всё та же конвойная команда. Дали мне десять минут привести себя в порядок и снова повели по роскошным коридорам резиденции Дома Варбургов.

Наконец, наша процессия подошла к резной дубовой двустворчатой двери, находящейся в торце одного из коридоров. Офицер постучал и распахнул тяжёлые створки, сделав мне рукой знак войти.

Я оказался в просторной ярко освещённой несколькими электрическими фонарями комнате. Высокие окна были плотно закрыты занавесями. У стены, противоположной двери, через которую я вошёл, стоял большой овальный стол с резными ножками причудливой формы. Каждая представляла собой три змеи, сплетённые между собой. За столом сидел человек, внешним видом больше всего напоминающий королевского клерка средней руки, что совсем не вязалось с роскошным убранством его кабинета. Очки на круглом тщательно выбритом лице, тёмные жидкие волосы, обрамляющие обширную лысину – всё это довольно забавно контрастировало с окружающей обстановкой.

Я остановился метрах в трёх от стола напротив хозяина

кабинета, ожидая указаний.

– Садитесь, Орсолини – человек слегка кивнул на ближайший ко мне стул.

Пока мой собеседник молчал, я рассматривал узор, выполненный из маленьких тщательно подогнанных друг к другу пластинок дерева различных цветов и занимавший большую часть поверхности столешницы. Это были три переплетённые змеи – герб Банкирского Дома Варбургов.

– Орсолини – наконец оторвался от своих бумажных дел мой собеседник – Мы хотим предложить вам дело, для которого, по нашему мнению, вы подходите лучше всего.

Я вопросительно посмотрел на него, но промолчал. Служба в корпорации Герцога приучила меня не задавать лишних вопросов. Если надо, начальство и так всё скажет, а не надо – значит, и знать этого не следует.

– Мы собирали о вас справки – меж тем продолжал человек – И теперь знаем о вашей жизни всё. Да, я забыл представиться. Фабрицио Голдини, директор Департамента Безопасности Банкирского Дома Варбургов.

Говоря всё это, мой собеседник смотрел на меня с таким видом, будто хотел сказать, что я для него прозрачен, словно горный хрусталь. Интересно, что за справки они там собирали? И что это за странный вчерашний тип в зале под нарисованным небом? Вчера во время ужина я долго размышлял над этим происшествием. Что хотел он сказать этой своей фразой? Какого мира он хозяин? Размышляя, я всё больше

стал склоняться к мысли о том, что у сеньора просто мания величия. Я подобные вещи в жизни встречал не раз. Вот, например, был у нас на фабрике неплохой главный инженер. А когда поставили его управляющим, возомнил себя чуть ли не самим господом богом.

– Смею вас заверить – произнёс Голдини – Мы перебрали достаточно кандидатов.

Кажется, задумавшись, я что-то пропустил. Но что за дело они хотят мне предложить? Ради чего со мною носятся, как со свадебным поросёнком? У нас в Сицилии существует такой обычай: когда назначается день свадьбы, обычно, за полгода, выбирается самый красивый молочный поросёнок. И все эти полгода хрюшка живёт, словно принц крови. Его кормят разными поросячьими лакомствами, моют по три раза на дню и даже одевают в специально сшитые одежды. А в день свадьбы закалывают и съедают.

– Вы, наверное, хотите узнать, ради какого дела здесь находитесь? – в этой фразе совершенно не звучало никаких просительных интонаций. В принципе, оно и верно – и так ясно, что мне не терпится это узнать. Но мой собеседник, тем не менее, кинул на меня взгляд, который можно было понять, как разрешение задавать вопросы.

– Так точно, сеньор – ответил я по-военному. Мой солдатский тон заставил Голдини поморщиться.

– Орсолини – тоном, в котором явно угадывалось недовольство, произнёс он – У нас тут не казарма. Учитесь раз-

говаривать нормальным языком свободных людей.

Я хотел ответить «да, сеньор», но вовремя остановился. Да, уж – почти два года службы в войсках Герцога даром не проходят.

– Хорошо – ответ дался с некоторым трудом.

– Вот и прекрасно. Итак, вас мучает этот вопрос. И я могу сразу дать на него ответ.

Тут Голдини снова сделал многозначительную паузу, как бы подчёркивая значимость момента.

– Дело, которое мы хотим вам предложить – начал мой собеседник – Требуется некоторых важных качеств. Человек, который будет выполнять эту работу, обязан иметь очень хорошее образование в области точных наук. Также он должен уметь рисковать и чувствовать грань между разумным риском и безрассудностью. Согласно тем сведениям, которые мы о вас собрали, всеми этими качествами вы обладаете. С отличием закончили одну из лучших технических школ Королевства, со стороны руководства завода, где вы работали, о вас, как о специалисте, очень хорошие отзывы. И, наконец, вы умудрились прослужить почти полтора года в самых горячих точках, и при этом остаться в живых. Во всём Королевстве немного найдётся людей с такой биографией.

Он опять немного помолчал, оценивающе глядя на меня. То, что Голдини сейчас обо мне говорил, слышать было, конечно, приятно. Но вот о предстоящем деле пока ничего конкретного.

– Орсолини – тихим, можно даже сказать, зловещим тоном произнёс он, подавшись вперёд. Его лицо оказалось в метре от моего, а неподвижные зрачки тёмных глаз, казалось, буравили мозг – Должен предупредить вас о том, что всё, вами здесь услышанное, должно остаться в этих стенах. Я не стану требовать каких-то расписок. Вы офицер и дворянин и прекрасно понимаете, что за нарушение клятвы наказание может быть только одно. Вы даёте клятву?

Чёрт! Я, разумеется, был готов к такому обороту, но всё равно мурашки пробежали по коже. Интересно, у меня есть выбор?

– Да, сеньор – коротко и чётко ответил я.

– Итак – продолжил он, откинувшись на спинку кресла – Вам предстоит очень важная миссия за пределами Объединённого Королевства. Официально вы будете числиться торгово-техническим специалистом при королевском консуле. Вашими открытыми задачами будет покупка лицензий на некоторые технологии. Это, конечно, тоже важно, но главным делом, о котором не будет подозревать даже сам консул, станет раскрытие одного очень важного секрета.

Снова возникла пауза. Голдини молчал, буравя меня взглядом, словно стараясь понять, что сейчас творится в моей голове. Может, он ждал, что я буду спрашивать о подробностях этого дела? Однако задавать вопросы меня отучили ещё на лейтенантских курсах.

– Этот секрет – их источник энергии, который в тысячи

раз эффективнее угля и газолена.

Из книг по истории, прочитанных в библиотеке казарм Герцога, мне было известно о том, что люди в Старое Время могли управлять энергией атомного ядра. Может, мой собеседник именно это имеет в виду. Но, насколько я смог понять, для того, чтобы владеть этой энергией, необходимо иметь целую специальную индустрию. Которую совершенно немыслимо создать при нашем нынешнем уровне техники.

– Мне кажется, у вас есть вопросы? – спросил мой собеседник.

– Да, сеньор. У меня сейчас два вопроса. Первый – это в какую страну меня собираются направить. Второй – что вам известно про этот источник энергии.

– Хорошо – ответил Голдини, лицо которого как-то сразу приобрело удовлетворенный вид. Видимо, мои вопросы входили в заранее намеченный им план беседы – Я постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

Он встал из-за стола, и я отметил его очень небольшой рост. Я сделал движение встать, но Голдини жестом оставил меня сидеть на стуле. Он начал не спеша прохаживаться по кабинету.

– Итак, по порядку. Страна, в которую вы поедете, расположена к северо-востоку от Королевства.

Ого! Дело приобретает весьма интересный оборот. В направлении, указанном моим собеседником, есть только одна страна. И называется она Империя Тьмы, где обитают зомба-

ки и вампиры. И где я больше года каждый день рисковал своей жизнью. По-видимому, мой собеседник уловил изменение выражения моего лица.

– Орсолини – как-то поспешно произнёс он – Мы же взрослые люди и должны уметь отличать пропаганду от реальности.

Ничего себе – пропаганда! Когда в Холодных Землях зомбаки убивали моих людей, это была самая, что ни на есть, реальность. И тут внезапно вспыхнула мысль: ведь зомбаков никогда не брали в плен. Их всегда старались убивать на расстоянии, так как считалось, что он может укусить человека, и тот станет таким же. Так значит, то была легенда, специально придуманная затем, чтобы на корню пресечь любую возможность для общения с представителями противоположной стороны?

– Надо уметь мыслить аллегориями – продолжил он свою речь – Зомбаки – это просто люди, оболваненные пропагандой и подвергшиеся особому виду гипнозу. А вампиры? Ну, разумеется, в прямом смысле они не пьют человеческую кровь. Это просто фигура речи. Они вытягивают соки из населения с помощью жестокой эксплуатации. Вот в нашем Королевстве каждый свободный гражданин может добиться успеха, а там всё население разделено на касты. И, если тебе суждено было родиться в нижней касте, то всё, что тебе светит в жизни – это быть или рабом, или зомбаком.

В словах Гольдини кое-что не сходилось. В нашем Коро-

левстве, если ты родился тедеском, то с почти стопроцентной вероятностью им и умрёшь. А если твоя фамилия не имеет дворянское происхождение, то тебе не светит хорошее образование или офицерская должность в армии. Ну, и вампиры свои тоже имеются. Вот, например, банкиры – чем не вампиры? Сначала они опутывают плантаторов и промышленников долгами, а затем сосут из них все соки так, что дохода остаётся лишь на покрытие кредита и процентов.

Кажется, сеньор Гольдини был неплохим психологом. Уловив в выражении моего лица некоторый скепсис, он тут же добавил:

– Тедескам сам господь бог назначил искупать трудом свой грех. Когда они спустились с Альп, то грабили и убивали наш народ, а женщин насиловали и вспарывали им животы. А в Империи Тьмы в рабском положении находится простое население, которое не имеет перед господом никаких грехов. Поэтому, в сравнении с нашим королевством, эта страна с полным основанием может называться исчадием ада. Кстати, сами они своё государство называют Страной Свободных Людей. И в этом – ещё одна подлость их главарей.

Первоначально спокойная манера речи Гольдини сменилась на весьма эмоциональную. Было заметно, что ту страну он ненавидел всеми фибрами своей души. А вот насчёт тедесков я с ним был не согласен, так как сам едва не стал одним из них. Ведь должники, не могущие отдать кредит, весь-

ма легко становятся тедесками, хотя и не имеют никакого отношения к тем, кто почти сто лет назад спустился с Альп.

Мой собеседник помолчал немного, затем, вернув контроль над своими эмоциями, продолжил уже спокойным тоном.

– Теперь о том, почему мы считаем, что у Империи Тьмы есть какой-то очень эффективный источник энергии. Эта страна зажата со всех сторон. С севера – льдами, с юга – Персидской Империей, с востока – Уйгурским Каганатом. На западе их сдерживает наше Королевство. Они занимают область, где почти ничего не успевают вырасти за короткое лето. У них практически нет угля. Конечно, они могли бы покупать уголь у Каганата или нефть у персов, но отношения у них с этими странами враждебные. Да и что им дать взамен? Разве, что лес. Только этого добра там в избытке.

Голдини снова кинул на меня свой пронизывающий насквозь взгляд, словно пытаюсь прочесть мои мысли.

– Так вот, пятьдесят лет назад эта их Империя стремительно съёживалась по всем направлениям как сушённый плод смоковницы. Тогда нам удалось договориться с персами и уйгурами и ударить одновременно со всех сторон. Они оставили большую часть своей территории, отступив в труднодоступную местность. Их, конечно можно было там всех добить, но в тот момент мы решили, что игра не стоит свеч. Загнанные в холодные лесистые районы и бесплодные горы, они должны были через короткое время сами сдохнуть с го-

лodu. А те, что выжили бы, деградировали до уровня дикарей и уже не представляли для нас никакой опасности.

В принципе, Голдини сейчас не сказал для меня ничего нового. Всё это я успел узнать в библиотеке Казарм Герцога. Хотя, конечно, в школе на уроках истории это звучало несколько иначе. Тогда нас учили, что полчища Империи Тьмы напали на тогда ещё разрозненные цизальпийские и апеннинские королевства и пытались превратить всё их население в зомбаков. И лишь когда под руководством Великого Святого Падре Пио Тринадцатого удалось все эти рыхлые территориальные образования объединить в Королевство, вторжение удалось отбить. А в ходе войны, шедшей на протяжении нескольких десятков лет, загнать этих зомбаков и вампиров в их медвежий угол.

– И сорок лет про эту империю практически ничего не было слышно – продолжал свой рассказ мой собеседник – Так, эпизодические стычки на границах, нападения на наши отряды, устраивающие рейды вглубь их территории – в общем, ничего, заслуживающего особого внимания. И вдруг десять лет назад они наносят удары по всем направлениям, разбивают наши войска и захватывают некоторые стратегически важные районы. И все эти десять лет их армия успешно сопротивляется силам всех своих соседей. Причем, анализ боевых действий позволяет предположить, что они сами не идут вперёд, а стараются только удерживать занимаемую территорию, время от времени проводя упреждающие

локальные наступательные операции.

Ну, про ход последних десяти лет войны в Холодных Землях я изучал ещё на лейтенантских курсах. Я ожидал, что Голдини скажет что-то конкретное про этот их источник энергии, а пока только слушаю лекцию по истории. Кажется, скучающее выражение моей физиономии не скрылось от моего собеседника. Он слегка запнулся и, похоже, решил перейти к главному.

– По всем расчётам, без угля, без торговли, используя только собственные ресурсы, на той территории, которую их государство занимало десять лет назад, могло проживать не более одного миллиона человек. И это были бы нищие полуголодные люди, без какой бы то ни было техники, с минимальным использованием простейших орудий из металла. И вдруг они выставляют многочисленную армию, оснащённую самым современным оружием. Можно было бы ещё предположить, что они кому-то тайно продавали свой лес в обмен на вооружение. Да, в таком случае можно было бы за какой-то достаточно длительный период накопить силы для внезапного удара. Но ведь они уже на протяжении десяти лет успешно сдерживают натиск нескольких государств. И их оружие не куплено у кого-то, а произведено ими самими.

С этим утверждением я был полностью согласен. Образцы вооружения, которые удавалось захватить, не были похожи на те, что были мне известны. А на лейтенантских курсах мы изучали все системы оружия, производящиеся во всех

развитых странах ойкумены. А ещё не выходил из памяти танк, уничтоженный в последнем моём бою в Холодных Землях. У нас вообще нет оружия, способного на такие разрушения. Нет, конечно, прямое попадание снаряда шестидюймовой гаубицы тоже наделает дел. Но как можно попасть из гаубицы первым же выстрелом? Однако всё это может иметь какое-то другое объяснение, чем неизвестный источник энергии.

– Вы хотите о чём-то спросить? – похоже, Голдини уловил тень скепсиса на моём лице.

– Да, сеньор. Может, есть более простое объяснение? Вот вы говорите, что у них там много лесов. Может, они просто вместо угля используют дрова?

– Орсолини, мне понятны ваши сомнения. Но дело в том, что совершенное вооружение подразумевает наличие современной индустрии и развитой инфраструктуры. Невозможно делать в большом количестве винтовки, пушки и всё остальное на коленке с помощью молотка и напильника из металла, сваренного в древней печи. Одно тянет за собой другое. Машиностроение требует металлургию. Металлургия невозможна без развитой энергетики, а та, в свою очередь, нуждается в транспорте. И всё это вместе невозможно без огромного количества угля. Если бы промышленность Королевства базировалась на дровах, за пару лет на всей территории южнее Альп не осталось бы ни единого дерева. Да, конечно, у них там лесов побольше, но всё равно уже давно бы все по-

вырубали.

Тут Голдини, видимо, устав ходить, снова уселся на своё кресло.

– И ещё – продолжил он, откинувшись на спинку – Их земля, где девять месяцев в году лежит снег, не может прокормить больше двух-трёх миллионов жителей. Даже, если бы они использовали самую совершенную агрокультуру и сельскохозяйственную технику. Но такое количество людей не способно создать нормальную промышленность и инфраструктуру. Между этими двумя показателями – уровнем развития и количеством населения, существует строгая зависимость. Это закон природы, потому что, чем больше ты хочешь произвести изделий, чем сложнее они, тем глубже должна быть у тебя в обществе степень разделения труда. Вот, например, в Королевстве проживает почти сорок миллионов людей, и именно поэтому мы можем создавать современные механизмы и машины. Последние пять-семь лет мы пытались вести разведку их территории с помощью дирижаблей. Практически все, залетавшие глубже ста-ста пятидесяти километров, сбивались. Но не так давно нам удалось создать высотный дирижабль, который способен летать на высоте порядка пятнадцати километров. Он несколько раз смог беспрепятственно пролететь через всю территорию их империи и сделать множество фотографий. Так вот, на них мы почти не обнаружили дымовых труб. Мало того, можно рассмотреть, как по железным дорогам движутся паровозы.

И от них совершенно не идёт никакого дыма. Это значит, что их локомотивы ходят на электрической тяге. Мы с нашей развитой промышленностью такого себе позволить не можем.

Пресвятая Дева! Паровозы на электрической тяге! То, что я сейчас услышал, было настоящим шоком. Это примерно, как если бы вам кто-то сказал, что вместо газа в свою самодвижущуюся повозку заливает лучшие сорта граппы. Конечно, у нас имеются в мизерных количествах повозки, приводимые в движение силой тока, но это, скорее, причуда тех богатеев, которым надоели нумидийские рысаки и кареты от Ламборгини. Электричество в Королевстве применялось, в основном, в промышленности. Ну, и ещё для освещения в крупных городах, а также в домах богатых владельцев. Если же эти вампиры используют его для движения своих поездов, то, похоже, Голдини прав, и без какого-то нового источника энергии тут не обошлось. Но, может, имеется объяснение проще, и у них просто стоит куча плотин на реках?

Воспользовавшись вновь возникшей паузой, я задал собеседнику этот вопрос. Голдини ответил быстро. Видимо, этот вариант уже обсуждался ранее.

– Да, разведка выявила наличие нескольких довольно крупных плотин. Но расчёты показали, что всей их мощности не хватит для покрытия и десятой доли энергозатрат. Не напрягайте зря голову, она вам понадобится для других целей – мой собеседник слегка улыбнулся – Мы над этим до-

статочно долго думали. Кроме как наличие какого-то неизвестного источника, других объяснений у нас нет.

– Есть какие-нибудь предположения насчёт природы этого источника? – я уже достаточно освоился, чтобы начать задавать вопросы без разрешения. Голдини, судя по всему, совершенно не принял это за нахальство.

– Наши эксперты утверждают, что это может быть только энергия атомного ядра.

Ага. Подозрения, возникшие в самом начале беседы, кажется, подтверждаются. Однако, после всей той информации, которую выложил Голдини, моя уверенность в невозможности этого сильно поколебалась. Чёрт его знает, что могли придумать эти вампиры, или как их там на самом деле зовут. Мой собеседник ссылается на мнение экспертов. Видимо тех, с одним из которых я имел беседу вчера. Не могу же я считать себя умнее их. Они, имея полную информацию по данному вопросу, долго думали, анализировали и пришли к выводу, что это ядерная энергия. Значит, скорее всего, так оно и есть. Но какой толк будет от того, что я это узнаю? Как мне удалось понять из книг Старого Времени библиотеки Казарм Герцога, мы просто ещё не доросли до данной технологии. Это как прийти к каким-нибудь дикарям и сказать: «Ребята, сделать винтовку – проще некуда. Надо только сначала научиться выплавлять сталь нужного качества, потом сделать для её обработки все необходимые станки, далее создать химическую промышленность для производства поро-

ха. Ну и ещё кучу всего». Я решил поделиться своими опасениями. Против моего ожидания, Голдини отнёсся к моим словам совершенно спокойно.

– Мы уже обсуждали всё это. Эксперты утверждают, что полноценной ядерной энергетике типа той, что была в Старом Времени, они создать не могли. Там что-то другое. Я не специалист в вопросах физики, поэтому не смогу сейчас всё объяснить. Скоро вы встретитесь с нашим экспертом, и я надеюсь, он сможет дать ответы на все вопросы.

Голдини вдруг резко встал из-за стола и сделал лёгкое движение рукой по направлению к двери.

– Сеньор Орсолини – произнёс он каким-то чересчур официальным тоном – На этом, я думаю, нашу беседу можно считать завершённой. До встречи.

Он кивнул мне на прощание. Я хотел выпрямиться и козырнуть, но вспомнив, что ему не по нутру «солдафонство», просто наклонил голову и произнёс «до встречи, сеньор Голдини». Открылась дверь и в кабинет зашли всё те же конвоиры, чтобы отвести меня в мою роскошную тюремную камеру.

Когда вернулся к себе, на столе уже стоял завтрак под стать вчерашнему ужину. На постели лежала сложенная униформа цветов Дома Варбургов. Это было, разумеется, недвусмысленным указанием на то, что я теперь всецело принадлежу этой всемогущей банкирской империи. Жаль было снимать офицерский мундир корпорации Герцога, однако не

стоит дразнить новых хозяев.

4

Всё время, пока завтракал, не выходило из головы это моё новое задание. Я даже не мог себе представить, как буду его выполнять. Почему эти вампиры, или как их там, должны мне будут рассказывать свои секреты? Человеку, прибывшему из страны, с которой они воевали несколько десятков лет. Кстати, Голдини обмолвился о том, что я там буду в качестве помощника консула, а это может означать только то, что с Империей Тьмы заключён полноценный мирный договор. То, что я ничего об этом ничего не слышал, легко объяснимо: последний раз я брал в руки газету где-то с месяц назад. Интересно, как наши политики смогли объяснить это народу? Я вспомнил, что говорил о вампирах и зомбаках наш ротный капеллан и невольно улыбнулся. Конечно, у меня имелось подозрение, что святой отец несколько сгущает краски. Но, тем не менее, всегда носил с собой гранату, чтобы только не успел укусить зомбак. Да и в школах на уроках истории рассказывали разные страшилки. Позже приходилось читать уже версии с претензией на научность. В них учёные эксперты со всей серьёзностью утверждали, что первые годы после Апокалипсиса на месте нынешней Империи Тьмы было вполне обычное государство с нормальными жителями. Однако затем там случилась эпидемия, и люди превратились в вампиров и зомбаков. Или же, тут версии разнятся, заражённые превратились в вампиров, принялись кусать тех, кто не

заразился и, таким образом, превращать в зомбаков. А сейчас политики станут говорить, что они просто шутили? Ведь как же можно подписывать мир с исчадиями ада и детьми дьявола?

Я вспомнил, что в спальне на комодe вчера видел стопку газет. Открыв раздел «вести с фронта» с удивлением обнаружил всё тот же стандартный набор: «наши доблестные силы света, во славу господa, уничтожили столько-то врагов, продвинулись на столько-то километров, заняли такой-то стратегически важный пункт». Сначала у меня отвисла челюсть, но затем, поразмыслив, понял, что так и должно быть. Зачем вообще напрягаться что-то объяснять? Как люди смогут узнать правду? Даже, если кто-то с фронта приедет в отпуск, что он сможет рассказать? Только то, что на его участке всё было тихо. При этом те, кто его слушает, вправе предположить, что на соседних участках вполне могут вестись активные боевые действия, просто их рассказчик про это не знает.

После завтрака в дверь постучал мой надзиратель узнать, не желает ли сеньор немного прогуляться. Подобное обращение надзирателя к арестанту показалось забавным. В принципе, почему бы не прогуляться? И всё же, каково моё положение здесь? Сколько времени меня ещё будут держать взаперти?

Получив утвердительный ответ, надзиратель с поклоном удалился с тем, чтобы через несколько минут войти уже с тем же офицером, что сопровождал меня утром. Солдат с ним

уже не было, что показалось хорошим знаком. Теперь можно было думать, что меня не конвоируют, а просто сопровождают. Ну, чтобы, например, не заблудился в этих банкирских лабиринтах. Или с лестницы случайно не упал.

Местом прогулки оказался сад во внутреннем дворе резиденции. Никогда бы не подумал, что это здание может иметь такой просторный внутренний двор. В плане он являлся прямоугольником со сторонами где-то полторы на две сотни метров. Всю площадь пересекали дорожки из мраморной плитки, между которыми росли разные экзотические кусты и деревья. Я не слишком большой специалист в ботанике, но почему-то показалось, что все эти растения родом не из Королевства. Однако больше всего я поразился, подняв голову вверх. Всё пространство внутреннего двора накрывал огромный стеклянный купол. Уверен, что ничего подобного больше нет во всём Королевстве.

Деревья и кусты росли довольно густо, так, что взор ограничивался парой десятков метров. Повернув вслед за изгибом одной из тропинок, я увидел доктора Вьеццоли, отдохавшего на лавочке. Увидев меня, он радушно улыбнулся, всем видом показывая, что очень рад неожиданной встрече. Но почему-то мелькнула мысль, что он тут специально меня поджидал. Вообще, вчера он произвёл на меня благоприятное впечатление, поэтому я в любом случае не был против беседы с хорошим человеком.

– Присаживайтесь, Орсолини – он указал место рядом с

собой.

Я поблагодарил доктора и уселся на скамейку.

– У вас уже была беседа с Голдини? – спросил Вьеццоли.

Я ответил утвердительно.

– И что вы об этом думаете?

Конечно, мне очень хотелось сказать, что я думаю обо всей этой истории, однако пришлось ответить, что, к сожалению, не могу обсуждать эту тему, так как дал клятву молчания.

– Конечно, конечно, вы абсолютно правы – с улыбкой произнёс доктор, сделав при этом какой-то знак сопровождавшему меня офицеру, который стоял в паре десятков метров от нас. Офицер моментально куда-то пропал.

– Скажите, Орсолини – тем временем продолжил он своим мягким голосом – Ведь сейчас в технических школах не изучают ядерную физику?

– Разумеется, нет – ответил я, несколько обескураженный этим вопросом – Зачем изучать то, что никогда не понадобится.

– И то верно – улыбнулся мой собеседник – Кому она нужна – эта ядерная физика? Но ведь вы имеете некоторое представление о том, что такое ядерная энергия? – добавил он уже серьёзным тоном.

Интересно, с чего он это взял? Вчера ни о чём подобном мы с ним не говорили. И тут – как вспышка в мозге: Чёрт, он это мог узнать только из моей сегодняшней беседы с Гол-

дини! Ну, что же, надо отвечать, как есть.

– Да, дотторе. Ещё когда я учился в технической школе, мне попадались упоминания о том, что в Старое Время люди могли управлять энергией атомного ядра. Я, конечно, пытался что-нибудь про это почитать дополнительно, но тогда ничего толком не смог найти. А не так давно у меня была возможность посидеть в библиотеке герцога Бонелли. И, должен сказать, что у герцога очень хорошая библиотека. Там кое-что удалось отыскать.

– И что вы можете сказать про эту ядерную энергию? – спросил мой собеседник с явно угадывающимися насмешливыми нотками в голосе.

Я хотел было, ответить, что всё это, конечно, очень интересно и могло бы быть полезно лет через сто или двести, но тут боковым зрением уловил приближение людей. Это был мой офицер в сопровождении Голдини. При виде самого директора Департамента Безопасности я тут же вскочил со скамейки. Вид его был несколько недовольный.

– Орсолини – произнёс он, приблизившись к нам и отведя лёгкий поклон доктору – С доктором Вьеццоли вы можете обсуждать любые темы без ограничений.

Закончив свою короткую речь, он посмотрел на доктора, снова слегка наклонив в его сторону голову, что, видимо, должно было означать поклон, быстро развернулся и зашагал прочь. Я смотрел ему вслед, слегка ошарашенный его действиями. И тут, наконец, дошло. Похоже, Голдини обя-

зан подчиняться доктору, чему очень сильно недоволен. Кто же этот человек, что стоит выше самого директора Департамента Безопасности? А ведь поначалу произвёл впечатление обычного доктора, каких в Королевстве сотни. Я с уважением взглянул на своего собеседника. Тот кивнул на скамейку рядом с собой, приглашая продолжить беседу.

– Так что вы думаете насчёт вашего задания? – улыбнувшись во весь рот, спросил он.

Я рассказал то же, о чём пытался поведать Голдини сегодня утром. О том, что, даже если в Империи Тьмы действительно научились управлять энергией атомного ядра, то для нас эта информация всё равно окажется бесполезной. И привёл пример с дикарями и винтовкой. Вьеццоли слушал, не перебивая. По его глазам совершенно невозможно было понять, как он относится к моей довольно эмоциональной речи.

– Орсолини – мягко произнёс он, когда я закончил – Я с вами не спорю. Вы всё говорите правильно. Мне кажется, сеньор Голдини не слишком корректно сформулировал вашу задачу. Я сейчас попробую это сделать точнее. Ваша цель – понять, на самом деле они используют ядерную энергию, или нет. Ну и, если повезёт, по разным косвенным признакам узнать в общих чертах принцип работы. Всё остальное – не ваша забота. Никто же не думает всерьёз, что они вам поднесут на серебряном блюде всю их технологию со всеми подробностями.

– Хорошо, вот, к примеру, я узнал, что это так. Мы же всё равно не сможем повторить эту технологию. Зачем тогда это всё?

– Послушайте, мой дорогой – доктор уже стал раздражать – Я же сказал, что остальное – уже не ваша забота.

Потом посмотрел на меня, помолчал и добавил:

– Да, конечно, если их технология основана на той, которая была в Старое Время, то мы не сможем её повторить. Но мне почему-то кажется, что там что-то другое. То, что на порядок проще. Почему? – заметил он в моих глазах немой вопрос – Да потому что их общий технический уровень, если и опережает наш, то ненамного. Вы же видели их оружие – ничего особенного. Кое-какие экземпляры немного лучше наших, но принципиальной разницы всё равно нет.

Я мог бы ему возразить, так как перед глазами до сих пор стоял танк, уничтоженный первым же выстрелом, но решил промолчать. В целом доктор был прав. В тех книгах, где упоминалось про ядерную энергию, говорилось про наличие одновременно колоссального числа гигантских летательных аппаратов, танков и самодвижущихся повозок. Дикари не могут делать винтовки, при этом ходя в набедренных повязках и пользуясь каменными рубилами. Тут я решил задать вопрос, который мучил меня с самого момента беседы с Голдини.

– Догторе, скажите, а почему этим занимается Дом Варбургов, а не службы короля, ну, или его святейшества? Какое

отношение к этому делу имеют банкиры?

Вьещоли ответил не сразу. Некоторое время он молчал, задумчиво глядя куда-то в сторону.

– Скажите, Орсолини – наконец, тихо произнёс он, всё так же уперев взор куда-то вдаль – Вот вы смотрите на человека, который стоит перед вами. Что вы видите?

Пока я собирался с ответом, мой собеседник продолжил:

– Вы видите, прежде всего, его одежду. Ну, и немного кожного покрова. Если одежду снять, то взору откроется только кожа. Под кожей мы не видим мышц, сухожилий и внутренностей. А под этими органами прячется скелет. Когда вы идёте по городу или сельской местности, вы видите только одежду. Если взгляните пристальнее, то сможете рассмотреть кожу. Но вам никогда не увидеть скелета. Скелет всей экономики – это финансовая система. Вы не сможете за внешними проявлениями разглядеть миллионы невидимых нитей, связывающих отдельные звенья в единую цепь. Владеет миром не король и не Папа Римский, а тот, у кого в руках финансовая система.

Теперь, наконец, до меня дошло, что хотел сказать тот странный тип в зале под нарисованным небом. Похоже, это был кто-то из владельцев этой банкирской империи. Непонятно, правда, зачем он спросил, готов ли я служить богу и королю? Хотя, если подумать, что он должен был спросить? Готов ли я служить банкирам? Такая постановка вопроса меня бы, конечно, сильно озадачила. Вообще, никогда раньше

не задумывался о роли финансовой системы в экономики Королевства в целом. Во время работы инженером на заводе иногда поражало число связей, которым было, как паутиной, опутано моё предприятие. Поставщики, смежники, клиенты – все они были связаны сотнями невидимых нитей, и каждый прямо или опосредованно зависел от остальных. Иногда возникала мысль, что всей этой системой кто-то должен управлять, иначе, случись чего, наступит полный хаос. А сейчас доктор Вьещоли говорит, что всем управляют банкиры. Что ж, возможно. Ведь деятельность любого предприятия, так или иначе, сводится к деньгам, а значит, к финансам.

– Вы, наверное, друг мой – обратился ко мне доктор – Хотите спросить о том, чем станете заниматься в самое ближайшее время? Ведь к такому серьёзному заданию нужна соответствующая подготовка.

Признаться, сейчас моя голова была занята несколько другим, но пришлось ответить утвердительно.

– Орсолини, у главы Департамента Безопасности есть свои соображения по этому вопросу, но они меня не касаются. Я свою задачу вижу в том, чтобы по отдельным мелким деталям вы были в состоянии составить общую картину. Это примерно, как смотреть на разрушенное мозаичное панно, от которого остались лишь отдельные небольшие фрагменты, и дорисовывать мысленно всё, что отсутствует. Но для того, чтобы уметь видеть, надо очень много знать. Вчера вы показали неплохое знание физики, но, боюсь, этого будет

недостаточно. Надо будет глубже изучить физику, электротехнику, химию и ещё некоторые дисциплины. На подготовку нам осталось два месяца. Этого очень мало, поэтому заниматься придётся интенсивно.

Он замолчал и сделал движение, намереваясь встать. Но я хотел задать ещё один вопрос.

– Дотторе – поспешно спросил я, боясь, что мой собеседник сейчас со мной попрощается – Вот вы сказали, что не верите в то, что у них есть ядерные технологии столетней давности. Но, может, у вас есть какие-нибудь конкретные предположения насчёт того, какой именно технологией они владеют? Ведь, насколько я смог понять, у древних вся ядерная энергетика строилась лишь на одном принципе. Значит, вы думаете, эти вампиры открыли что-то совершенно новое?

Мой собеседник, уже было, привстав, вновь опустился на скамью. Помолчал немного, видимо, обдумывая мой вопрос, затем заговорил:

– Орсолини – тут он бросил на меня странный взгляд, значение которого можно было бы расценить, как смесь уважения и, одновременно, насмешки – Я смотрю, вы прочли достаточно много про Старое Время. Но недостаточно для того, чтобы постичь главное. Даже в библиотеке самого герцога Бонелли вы не найдёте нужных книг, так как в своё время братья неплохо порезвились. Большая часть из того, что Святая Инквизиция считала вредным, было уничтожено. А то, что осталось, находится в библиотеке Ватикана. К сожа-

лению, боюсь, что вам туда попасть не удастся.

– А у вас есть туда доступ?

– Да, есть в некоторые отделы. Поэтому постараюсь по возможности посвящать вас в то, что мне удалось там узнать.

– А теперь вернёмся к ответу на ваш вопрос – произнёс он после некоторой паузы – То, что ядерная энергетика в Старое Время основывалась, фактически, только на одной технологии, в этом вы правы. Однако в то же самое время разрабатывались ещё несколько направлений. Некоторые были разновидностью стандартного принципа. Но была ещё одна, кардинально отличная от остальных. Если все опирались на деление тяжёлых ядер, то та, другая базировалась на синтезе лёгких. Она обещала дать энергии с каждого килограмма топлива на порядок больше, чем те, которые основаны на делении. Древние учёные больше семидесяти лет пытались воплотить этот принцип, но так ничего не добились.

О том, что сейчас говорил доктор, я имел некоторое представление. Он явно подводил к тому, что вампиры из Империи Тьмы добились успешной реализации принципа синтеза лёгких ядер. Чего лучшие умы Старого Времени сделать так и не смогли, несмотря на всю мощь их науки. И здесь мне виделось явное противоречие. Вещцоли утверждал, будто не верит в то, что учёные из Империи Тьмы могли повторить уже работавшие в своё время технологии. И в то же время, хочет сказать, что они сумели сделать то, на что была безуспешно потрачена почти сотня лет при несравнимо более

высоком уровне развития. Я прямо обратил на это внимание моего собеседника, хотя и ожидал, что это вызовет раздражение. Тот, напротив, улыбнулся.

– Bravo, Орсолини. Ваш уровень оказался даже выше, чем я ожидал. Но ваш вывод поспешен, и вот почему. Перелопатив в библиотеке Ватикана гору литературы, в период, начиная лет за шестьдесят до Апокалипсиса и до самого его момента, я обнаружил одну весьма любопытную вещь. Периодически появлялись публикации, где утверждалось, будто при определённых условиях некоторые материалы, насыщенные тяжёлым водородом, показывают признаки наличия реакций ядерного синтеза. Причём, для этого не требовались сверхвысокие температуры. Авторы пытались дать свои объяснения наблюдаемым эффектам, но, честно говоря, звучало всё это не слишком убедительно. И вот лет за тридцать-сорок до Апокалипсиса в одном из самых престижных научных журналов вдруг появляется статья, которая тут же вызывает настоящий фурор в мире науки. Авторы той публикации, один из которых уже имел к тому времени громкое имя в учёных кругах, утверждали, что в их экспериментах при комнатной температуре уверенно наблюдались признаки реакций синтеза ядер гелия из ядер тяжёлого водорода.

Я, разинув рот, слушал доктора. Сейчас он говорил о вещах, про которые мне никогда не приходилось читать. Между тем, мой собеседник продолжал свой рассказ.

– Первый год после этой статьи проводились международ-

ные конференции с триумфальными выступлениями авторов. Публикации появлялись и в главных газетах и журналах многих стран мира. Всем казалось, что наступила новая эра в энергетике. Авторы открытия чувствовали, как героев.

Тут Вьеццоли замолчал, будто задумавшись о чём-то.

– А дальше, дальше-то что? – не выдержал я возникшей паузы.

– А дальше – продолжил доктор – В течение следующих нескольких лет десятки исследователей со всего света пытались повторить эти эксперименты. Никто не получил ничего похожего на результаты авторов. Всем стало ясно, что открытия не состоялось. Споры были только о том, сознательно ли авторы пошли на обман, или добросовестно заблуждались. Тот из авторов, который считался маститым учёным, потерял работу и репутацию. Фактически, как учёный он умер. С этого момента и до самого Апокалипсиса я не нашёл ни одной публикации, где бы упоминались ядерные эффекты при обычных условиях.

Мой собеседник на этот раз замолчал надолго. Наверное, сейчас на моём лице было написано разочарование. Такое многообещающее начало и вдруг – как отрезвляющий ледяной душ. Но зачем он это всё мне говорил? Ведь его слова лишь подтвердили моё утверждение. Видимо, это моё разочарование не укрылось от доктора. Он едва заметно улыбнулся и продолжил рассказ.

– Вот и я, первое, о чём подумал, что это – тупиковое на-

правление. Но две вещи не давали покоя. Первая – зачем авторам этого несостоявшегося открытия понадобилось это делать? Начну с того, что очень слабо верится в версию ошибки. Они утверждали, что занимались данными исследованиями несколько лет, и за это время провели сотни экспериментов. Дальше: с самого начала они поступили, скорее, не как исследователи, а как рекламные агенты. Ещё до публикации созвали пресс-конференцию, давали многочисленные интервью журналистам. То есть, сделали всё для того, чтобы шумиха поднялась на весь мир. А вторая вещь – это пропажа статей по ядерным эффектам в материалах, насыщенных тяжёлым водородом. Хотя до того они в научной печати появлялись регулярно.

В рассказе моего собеседника появился отчётливый запах какого-то детектива. Не терпелось скорее добраться до развязки. Но он, как назло, вновь замолчал, глядя куда-то мимо меня, а затем встал со скамьи и принялся неспешно прохаживаться туда-сюда, сложив руки за спиной. Я даже испугался, что доктор сейчас со мной попрощается, так и не дойдя до конца истории. Но, судя по всему, ему просто захотелось немного размять ноги. Прогулявшись так с полминуты, он снова сел на своё место и заговорил.

– Чем больше я узнавал подробности, тем сильнее становилось ощущение, что тут дело нечисто. Всё это очень смахивало на искусственную провокацию. Ведь, если вдуматься – на что могли рассчитывать эти горе-учёные? Неужели они

сомневались в том, что, после того, как раструбили на весь мир о своём открытии, тут же в десятках лабораторий сотни исследователей не примутся повторять их эксперименты? Очень маловероятно. Они должны были прекрасно осознавать, что в героях им ходить не больше пары лет. А дальше – всё, конец научной карьере. И, тем не менее, пошли на этот шаг. У меня есть только одно объяснение: их кто-то заставил так поступить. Кто? Видимо, тот, кому это было выгодно. К тому моменту исследования по ядерному синтезу при сверхвысоких температурах без особых успехов продолжались уже почти сорок лет. Во всём мире создавались всё более громадные и дорогие установки, на которых работали тысячи учёных. Образовывались целые научные школы во главе с академиками. Короче, это научное направление потихоньку стало превращаться в обычный бизнес. Правительства выделяют огромные средства, которыми кормится куча народа – начиная от строителей, заканчивая производителями комплектующих. А учёные каждый год дают всё новые обещания: мол, вот мы сейчас построим новую установку в десять раз дороже прежней, и тогда уж точно всё получится. Новая установка вступает в строй, но успехов опять почти нет. А дальше новые обещания и новые ещё более дорогие установки. В принципе, от этой ситуации выигрывали все, кроме населения, которое своими налогами содержало эту кормушку. Чтобы вы могли представить себе порядок цифр, могу сказать, что на деньги, потраченные на последнюю уста-

новку, которую создавали сразу несколько крупных стран, можно было бы построить несколько мостов через Мессинский пролив. Кстати, эту махину, величиной с многоэтажный дом, так до Апокалипсиса толком и не успели запустить. И тут представим себе такую ситуацию.

На этом моменте доктор вновь остановился, глядя на меня с каким-то хитрым прищуром. Я понял, что таким способом он закручивает интригу, драматизируя ситуацию.

– Вдруг кто-то из заинтересованных лиц, к примеру, учёный, участвующий в исследованиях на такой установке, читает научные журналы и натывается в них на статьи, где указывается на эффекты, свидетельствующие о прохождении реакций синтеза ядер в условиях, не требующих гигантских температур. Как он воспримет подобные публикации? Правильно – как потенциальную угрозу своей деятельности. А что он станет делать в данной ситуации? Наиболее вероятно, что расскажет ещё более заинтересованному лицу – своему научному руководителю. Который уже лично принимает участие в дележе финансового пирога. Тот, в свою очередь, должен собрать наиболее крупных поставщиков и подрядчиков и доходчиво объяснить, сколько те потеряют, если вдруг кто-то и вправду добьётся серьёзного успеха в одном из таких альтернативных направлений. Что могут сделать эти уже по-настоящему серьёзные люди, чтобы не лишиться хорошего дохода? Самое эффективное – дискредитировать подобные исследования так, чтобы само понятие низкотемпера-

турного ядерного синтеза стало чем-то вроде ереси, о которую никто не захотел бы запачкать свою репутацию. Лучше всего это сделать, раструбив на весь мир о величайшем прорыве, а затем с треском опровергнув. Что, собственно, мы и наблюдаем на примере той пары учёных, о которых я рассказывал. Я не знаю, каким образом на них смогли повлиять – заплатили им кучу денег, угрожали или как-то ещё, но факт остаётся фактом. Все альтернативные исследования моментально были свёрнуты.

Признаться, я не совсем понял, как рассказ моего собеседника относится к его предположению о том, что в Империи Тьмы сумели добиться успеха в ядерном синтезе. Решил осторожно спросить об этом.

– Я думаю – произнёс доктор Вьеццоли – Что такой сильный удар был нанесён неспроста. Очень вероятно, что эти самые заинтересованные лица всё-таки провели кое-какие исследования по альтернативным направлениям. И увидели, что там действительно можно добиться успеха. Возможно, что даже существуют какие-то публикации по данной теме, которые мне не удалось отыскать. Но которые могли попасть в руки учёных из Империи Тьмы.

Наконец, до меня дошёл весь смысл истории. Признаться, звучало очень логично, но всё равно оценить верность выводов моего собеседника я бы не взялся. Слишком мало мне было известно про Старое Время. Про то, каков был тогда порядок финансирования науки, про взаимоотношения

в научной среде. Но я, скорее, был склонен согласиться с выводами доктора.

На этом беседа с Вьеццоли закончилась. Он встал и, улыбнувшись, попрощался. Когда вернулся в свою камеру, первое, что бросилось в глаза – листок бумаги, лежащий посреди стола. Это был мой распорядок дня. Пробежав список, я невольно улыбнулся, вновь почувствовав себя новобранцем лейтенантских курсов.

Потянулись дни, похожие друг на друга, как вороны на телеграфных проводах. В шесть подъём, пробежка по парку во внутреннем дворе, затем гимнастика в спортивном зале. Завтрак, всегда стоявший на столе к моменту моего возвращения. В восемь – начало занятий, которые проходили прямо в моей камере. С утра занятия чаще всего проводил доктор Вьеццоли. Он приносил пожелтевшие от времени учебники из Старого Времени, которые я должен был конспектировать. Обычно наши уроки проходили так: сначала доктор читал лекцию по той теме, которую я конспектировал на предыдущем занятии, а затем задавал вопросы. Если мне что-то было непонятно, то популярно объяснял.

Меня постоянно подмывало спросить моего учителя, чем он вообще занимается при Доме Варбургов. В момент первой нашей встречи доктор произвёл на меня впечатление, скорее, преподавателя какого-нибудь университета или технической школы. Но после более длительного общения я решил, что этот первый вывод, судя по всему, ошибочен.

Также он не походил на учёного, как я себе представлял эту категорию людей. Учёные в Королевстве занимались тем, что изучали древние книги, а затем пытались повторить то, что в них написано. Обычно они хорошо разбирались только в какой-то одной узкой области. Доктор же демонстрировал потрясающие знания очень широкого спектра.

Занятия с Вьеццоли чаще всего длились четыре часа. Затем следовал двухчасовой перерыв на обед и отдых. Это время я мог использовать по своему усмотрению, но чаще всего прогуливался по внутреннему двору в неизменной компании своего офицера-охранника. Первое время меня удивляло то, что ни разу не удалось встретить ни одной живой души, что в парке внутреннего двора, что в спортзале. Лишь в коридорах иногда встречались люди, которые при виде нашей компании тут же ускоряли шаг, словно боясь с нами столкнуться. Но, поразмыслив, решил, что, непосредственно перед тем, как я должен посетить какое-либо помещение, его просто очищают от посторонних. Собственно, и постоянное присутствие офицера, как я понял, было призвано предотвратить мое общение с кем либо.

После обеда начинались занятия по линии Голдини. Их вёл сеньор Канини – высокий худой человек с длинным аскетичным лицом и большими выпуклыми тёмными глазами. В его лице и в самом деле было что-то неуловимо собачье, так что фамилия в данном случае вполне оправдывалась. Вечно мрачный вид Канини абсолютно не вызывал никакого жела-

ния задавать вопросы о роде его деятельности, но я бы не удивился, если бы узнал, что в прошлом он служил братом Святой Инквизиции.

Основное время мой мрачный учитель уделял развитию моей зрительной памяти и внимания. Поначалу он раскладывал на столе различные предметы и давал мне полминуты времени запомнить. Затем я отворачивался, а он забирал один из предметов. Моей задачей было определить, какой именно был изъят. После того, как я научился безошибочно определять отсутствующую вещь из двадцати позиций, занятия усложнились. Теперь он, пока я не видел, производил кое-какие незначительные изменения в моей гостиной, а я должен был их назвать. Судя по тому, как на его мрачной физиономии время от времени появлялось нечто, что можно было бы назвать улыбкой, он был доволен моими успехами. В перерывах между занятиями мы играли в карты. Поначалу это меня удивляло, но затем я понял, что это тоже было частью подготовки. Правила игры были просты, а основной смысл заключался в том, чтобы противник, не догадываясь об истинном наборе карт, спешил сбросить свои. Бывало, что я набирал очень неплохую карту, но сбрасывал, по невозмутимому лицу своего соперника полагая, что его набор лучше. Однако часто бывало, что у Канини оказывалась полная шваль. Через какое-то время я уже научился достаточно хорошо владеть собой, чтобы обыгрывать своего учителя. Ещё мой инструктор частенько проводил тренировки

по запоминанию лиц. Он показывал фотографию, на которой была изображена оживлённая улица какого-то города с несколькими пешеходами. Мне давалось с десятков секунд на их запоминание, а затем демонстрировалась другое фото. И я должен был сказать, есть ли там кто-нибудь из предыдущего. По мере того, как я набирался опыта, число людей на фотографиях перевалило за два десятка.

Где-то спустя месяц с начала моего пребывания в резиденции Дома Варбургов произошло событие, довольно сильно испортившее мне настроение. Когда я отдыхал после обеда, ожидая начала занятий с Канини, вместо моего вечно угрюмого инструктора в камеру зашёл офицер сопровождения. Он сказал, что меня срочно вызывает сеньор Голдини. Чертыхнувшись про себя, я последовал за ним.

Директор Департамента Безопасности принял меня как-то уж чересчур радушно. Даже привстал из-за стола, слегка растопырив свои пухлые ручки.

– Здравствуй, Орсолини – произнёс он, видимо, самым приветливым тоном, на какой был способен – Заходи, заходи, дорогой!

Это было настолько непохоже на вечно строгого и даже неприятливого Голдини, что я тут же заподозрил неладное.

Он указал мне на стул напротив себя и принялся расспрашивать об успехах на поприще обучения нелёгкому шпионскому ремеслу.

– Знаю, знаю – радостно сказал он, когда я закончил пе-

речисление своих успехов – Канини мне докладывал. Я могу сказать только, что ты молодец. Канини говорит, что лучшего ученика у него ещё не было.

Мне, разумеется, его слова грели душу, однако были некоторые сомнения в искренности. Я, в принципе, никогда не жаловался на память, однако прекрасно осознавал, что в этом плане никаких феноменальных способностей у меня нет. Однако вежливо поблагодарил его за похвалу и добавил, что счастлив оправдать доверие руководства.

– Послушай, Орсолини – тон моего собеседника вдруг резко сделался совершенно серьёзным – Есть одна проблема. Вот этот твой доктор Вьеццоли, ты можешь сказать – чего он хочет?

Вопрос ввёл меня в ступор. Некоторое время я молчал, не зная, что ответить.

– Ну, насколько я понимаю, доктор хочет подготовить меня к заданию.

– Да, я это знаю – несколько раздражённо перебил меня Голдини – Но ты мог бы сказать, какая у него цель? Зачем ему нужно это твоё задание?

Я удивлённо взглянул на своего собеседника. Казалось бы, ему в этом деле всё должно быть предельно ясно. Он же сам при первой нашей встрече говорил, что моё задание – получить информацию о неизвестном источнике энергии в Империи Тьмы. А доктор меня к этому готовит. И тут в моей голове начала складываться мозаика. Доктор, который не

подчиняется директору Департамента Безопасности, готовит агента для важного задания. Похоже, сам доктор и является инициатором всего этого дела. Судя по всему, он и предложил владельцам Дома Варбургов эту операцию. А Голдини при этом, вроде, как на вторых ролях, что его бесит. А вот зачем самому доктору Вьеццоли это надо? Тут уж можно много, чего предположить. Может, разбогатеть хочет. Или осчастливить жителей Королевства. Но почему это так волнует Голдини? Уж не подозревает ли он доктора в измене? Надо отвечать предельно осторожно – ведь каждое моё слово может повредить доктору Вьеццоли.

– Сеньор Голдини – начал я – Пока я вижу только одну цель, которую преследует доктор – найти новый источник энергии. Зачем ему это нужно, я не знаю. Могу только предположить, что он хочет на этом заработать кучу денег.

– Хорошо – ответил мой собеседник – Возможно, так оно и есть. Только учти, Орсолини, что никто, кроме тебя не сможет понять всех действий твоего доктора. Просто ни у кого другого не хватит для этого ума.

Он помолчал немного, будто о чём-то раздумывая.

– Орсолини – наконец, продолжил Голдини – Я имею очень большую власть. Мне по силам исполнить почти любые твои желания. Ты понял? Даже те желания, о которых ты не решаешься мечтать. Но мне надо знать всё о намерениях этого твоего доктора. Я надеюсь, что мы договорились.

С этими словами он встал с кресла, давая понять, что бе-

седа окончена.

Когда я вернулся к себе, мой мрачный учитель с собачьей фамилией уже ждал меня. На протяжении всего занятия в голове постоянно крутились мысли о словах Голдини, не давая сосредоточиться. Думаю, Канини был сегодня мною недоволен. И после отбоя, лёжа в кровати, я не переставал думать о сегодняшней странной беседе. Что это? Голдини подозревает, что доктор играет в какую-то свою игру? А, может, руководство Дома Варбургов не посвящает его в детали операции, в которой я задействован, что его сильно нервирует? Или же это обычная проверка меня «на вшивость»? Слишком много вопросов, на которые сейчас не найти ответов. Уже засыпая, решил что, если уж таким способом проверяют мою лояльность, то надо внимательно прислушиваться к словам доктора и не пропустить возможной провокации.

Последующие дни я был в постоянном напряжении, ожидая вызова к директору Департамента Безопасности. Мне нечего было ему сказать. Всё, что я слышал со стороны Вьеццоли, никак не расходилось с официальной версией. Однако время шло, а вызова всё не было. Потихоньку я стал забывать о том разговоре с Голдини.

Близился конец моего обучения. Всё чаще при мыслях о предстоящем задании била дрожь нетерпения, как перед боем. Что я встречу там – в той далёкой и враждебной стране? Наконец, начались экзамены, которые принимали мои учителя в присутствии самого директора Департамента Без-

опасности. Сомневаюсь, что он смог бы оценить мои знания по естественным наукам и инженерному делу, но судя по его довольному виду, результатами он был удовлетворён.

После экзаменов меня стали отпускать в город. Я никогда раньше не был в Венето, если не считать поездки под конвоем в карете с занавешенными окнами. Мне приходилось читать, что в Старое Время по улицам города текла вода, а жители передвигались на лодках. Сейчас, глядя на снующие туда-сюда повозки и шагающих по тротуарам пешеходов, трудно было в это поверить. Гулять мне приходилось в сопровождении неизменного молчаливого офицера, но за последние два месяца я настолько привык к его присутствию, что воспринимал как свою тень. Стояла прекрасная летняя погода, типичная для северной части Королевства. Солнце приятно ласкало лицо своими лучами, время от времени прикрываясь небольшими белыми облачками, медленно плывущими по бирюзовому небу. Видеть небо после двух месяцев пребывания в заточении, было сродни настоящему счастью.

Однажды, когда мы возвращались с очередной прогулки, часовой на входе в резиденцию, козырнув, сообщил, что меня ожидает Голдини. Прежде прекрасное настроение тут же улетучилось. Моментально вспомнился тот наш разговор, и вернулись прежние опасения.

Голдини при встрече выказал то же радушие, как и в прошлый раз, что сразу насторожило.

– Орсолини, дорогой – начал он после приветствия – Мне

кажется, ты устал. Отъезд посольства назначен через две недели, и я считаю, что ты заслужил отпуск. Ты не против?

Несколько секунд я стоял, ошарашенный, не в силах вымолвить слова. Пока шёл к его кабинету, мысленно пытался отработать свои ответы на его вероятные вопросы, но то, что сейчас услышал, ввело в ступор.

– Так ты не против? – повторил свой вопрос Голдини, не дождавшись ответа.

– Никак нет, сеньор – едва нашёлся я, что сказать.

– Ну, вот и прекрасно. Пойдёшь в отпуск на десять суток, начиная с сегодняшнего дня. Знаешь, я бы посоветовал тебе съездить на родину. Ведь ты же два года не видел родителей. Поживёшь там с недельку, отдохнёшь нормально, а потом как раз со свежими силами поедешь на задание.

Услышав это, я готов был броситься на него и расцеловать. Боже мой! Наконец-то я смогу увидеть родителей, брата, свой дом. Я стоял перед Голдини, глупо улыбаясь и не веря ещё своему счастью, а душа уже вырвалась из тела и летела на юг – на родину.

В казначействе по бумаге, выписанной Голдини, получил жалование за последние два месяца и ещё на месяц вперёд – шесть тысяч лир серебром. Половина была в звонкой монете, остальное – ассигнациями. Я шёл по улице, ощущая бедром туго набитую сумку, висящую на ремне, и чувствовал себя настоящим богачом. Более значительную сумму я держал в руках лишь однажды – когда покупал карету с конями для

Франчески.

Чем ближе подъезжал я к дому, тем тревожнее становилось на душе. Меня страшила предстоящая встреча с родителями. Ещё обучаясь на лейтенантских курсах, я написал им пару писем, но так и не получил ответа. Мне тогда казалось, что они считают меня позором семьи, и основания для этого имелись. То, как я поступал тогда, было совершенно недостойным дворянина. Потерял голову, залез в долги, поставил отца в затруднительное положение. Не дождавшись от родителей письма, я решил, что, когда закончатся мои пять лет контракта, то приеду, если, конечно, останусь жив, и сам буду просить прощения.

Выйдя в Сиракузах на перрон, поднял голову и увидел над собой настоящее сицилийское небо – безоблачное и бездонное, сияющее своей безупречной синевой. Я шёл по улице, и чем ближе подходил к морю, тем явственнее ощущал воздух моих детства и юности. Запах морской соли и свежей рыбы пьянил, заставляя вдыхать полной грудью.

Сначала мне необходимо было зайти в местное отделение Дома Варбургов, отметить там и взять на время электрическую повозку. Поначалу я пытался отказаться от этого, мотивируя тем, что не привык к подобной роскоши, но Голдини настоял. Когда я, сделав в отделении все дела, выходил из дверей на улицу, намереваясь идти в гараж за повозкой, то обратил внимание на остановившийся у подъезда экипаж. Это была карета от Ламборгини, запряженная трой-

кой чистокровных нумидийских рысаков. Странно засосало под ложечкой, а душа сползла куда-то в живот. Я встал, как вкопанный, глядя на эту карету. Кучер, ловко спрыгнув, подбежал и открыл дверцу. Я уже понимал, кого увижу, но всё равно, при виде её ноги сделались ватными.

Грациозно спрыгнув со ступенек кареты, Франческа быстро засемила вверх по лестнице прямо к дверям, из которых я только что вышел. Проходя быстрым шагом мимо, она мельком пробежалась взглядом сквозь меня, сделала ещё пару шагов и вдруг остановилась, словно натолкнувшись на невидимую стену. Её лицо медленно поворачивалось в мою сторону. Наконец, наши взгляды встретились. Её прекрасные карие глаза расширились, словно от ужаса. Губы полуоткрытого рта мелко затряслись.

– Сандро – прошептала она – Это ты? Ты живой?

Я застыл, будто каменное изваяние, проглотив язык. Она стояла на две ступеньки выше по лестнице и смотрела сверху вниз, прекрасная и недоступная, словно принцесса из древних сказок. Франческа сделала два шага ко мне, и теперь лицо её находилось на расстоянии вытянутой руки от моего. Она сделала движение, будто собираясь меня обнять, но тут, метнув быстрый взгляд через плечо, быстро опустила руки.

– Сандро, ты же простил меня, да? – всё так же шёпотом произнесла она, умоляюще глядя мне в глаза – Боже мой! Какая же я была дура.

Сотни раз я представлял себе нашу встречу. В часы зати-

шья, когда я мог лежать в своей землянке и мечтать, закрыв веки, под треск дров в печке, то воображал себе, как приду к ней и, бросив презрительный взгляд, спрошу про здоровье рысаков. Мне казалось, что я ненавидел её за то, что она даже не пыталась меня дождаться, выскочив замуж, едва только подвернулся подходящий вариант. Но лишь стоило взглянуть в её глаза, глубокие, словно два бездонных колодца, как я полетел в эту глубину, забыв все слова, которые собирался ей сказать.

– Слушай, милый – звук её голоса заставил меня вынырнуть из омута – У меня сейчас кое-какие дела в этом здании. Давай в пять часов встретимся на нашем месте. Хорошо? Ты придёшь?

Я молча кивнул, не в силах вымолвить слова. Она снова посмотрела мне в лицо. Я заметил, что глаза её блестели от выступивших слёз. В них отражалось синее сицилийское небо, и я на фоне этой синевы. Франческа быстрым движением послала мне воздушный поцелуй и упорхнула.

Часы показывали полдень, значит, до нашей встречи оставалось пять часов. Решив, что это время надо использовать для поездки к родителям, я быстрым шагом направился в сторону гаража Дома Варбургов.

Нашим местом, про которое говорила Франческа, был глубоко вдающийся в море мыс в районе Ортиджа. Когда-то давно весь этот район был островом. К нему из города даже вёл мост, но после того, как уровень моря понизился, им пе-

рестали пользоваться. Сейчас развалины этого моста возвышались над пустырём, поросшим диким кустарником и низкими деревцами. На этом мысе мы вдвоём раньше часто сидели вечерами, любуясь проходящими по морю рыбацкими лодками и торговыми судами.

В гараже мне выдали сверкающее красным лаком и хромом электрическое чудо техники. Как им управлять чисто теоретически я знал, но в реальности это делать ни разу в жизни не приходилось. Решив, что это не сложнее, чем управление газолиновой повозкой, которой несколько раз всё же удалось порулить, я, под подозрительным взглядом служителя, смело уселся в мягкое кожаное кресло и осторожно сдвинул вперёд рукоять реостата. Повозка мягко тронулась с места. Я медленно повёл её через территорию гаража к воротам.

5

Дом моего отца находился в районе Бельведер, и до него было километров десять. В экипаже обычно это расстояние удавалось преодолевать за час, учитывая, что последние три-четыре километра шёл довольно крутой подъём. На электрической повозке я доехал за полчаса, хотя и не гнал. По идее, если ручку тянуть на полную, то и за четверть часа можно было бы добраться. Но я ещё не был уверен в своём мастерстве водителя.

Ворота во двор нашего дома были раскрыты. Во дворе перед домом возился какой-то старик, перекладывая камни.

Услышав шаги, он обернулся, и я узнал в нём своего отца. Господи Иисусе! Как же он постарел. Будто я отсутствовал не два года, а все двадцать. Отец выронил камень, который держал в руках, и выпрямился. Я сделал несколько шагов навстречу и остановился в трёх метрах от него. Он постоял несколько секунд, глядя на меня, затем лицо его как-то сморщилось, губы затряслись, а глаза наполнились слезами.

– Пресвятая Дева – произнес он срывающимся голосом – Мой мальчик, это ты?

– Здравствуй, папа – только и смог я произнести, так как спазм сдавил горло.

Мне показалось, что отец сейчас свалится в обморок. Я бросился вперёд и обнял его. Отца я всегда воспринимал, как высокого человека, но сейчас он мне показался на полголовы ниже меня.

– Ну, пойдём, пойдём в дом, что же ты стоишь – бормотал отец, вытирая глаза и подталкивая меня ко входу.

– Мария! – едва переступив порог, вдруг крикнул он голосом, в котором почувствовались прежние властные нотки – Спускайся скорее, смотри, кто к нам пришёл!

По лестнице со второго этажа дома спускалась моя мама. Взглянув вниз, она вдруг пошатнулась и села на ступеньки. Я подлетел к ней, обнял и осторожно перенёс вниз.

– Сыночек мой – приговаривала мама, поглаживая меня по спине, пока я усаживал её за стол – Ты вернулся.

– Сандро, пойдём зарежем барана ради такого случая –

сказал отец, поднимаясь из-за стола.

– Папа, побереги баранов – ответил я – Они тебе ещё пригодятся.

Почему-то мне было жаль несчастное животное, которое должно было поплатиться своей жизнью за моё возвращение.

Мама, тем временем, накрывала стол. Я сразу заметил, что закуска была довольно бедной. Мяса было мало, а из спиртного на стол была поставлена лишь бутылка граппы местного производства. Раньше у нас в доме граппу не употребляли, предпочитая марсалу.

Выпив пару рюмок, отец разговорился. За прошедшие два года в Сицилии очень многое изменилось. Народ стал жить беднее. Те, кто раньше покупал дорогие вина, перешли на более дешёвые. Цены на виноград упали и выращивать такие элитные сорта, как наш Неро д`Авола стало невыгодно. Кто прежде забирал у нас урожай на корню по тысяче лир за тонну, сейчас платят пятьсот, и то нос морщат. Крупные плантации, в принципе, по таким расценкам могут работать – у них куча тедесков, техника. Тем более что они почти все уже подмяты Варбургами, а прежние владельцы работают простыми управляющими.

Похожая ситуация с оливками. Люди сейчас предпочитают покупать больше дешёвого масла из кукурузы и подсолнечника, соответственно, цена на оливки упала. Отец попробовал, было выкрутиться из этой ситуации, начав собствен-

ное производство вина и оливкового масла. Взял кредит, купил оборудование, но сбыт не пошёл. Открытие небольшого магазинчика в городе проблему бы всё равно не решило, а оптовики, словно сговорившись, держат такие низкие цены, что проще всё сразу вылить.

В результате долг висит, проценты надо каждый месяц выплачивать, а выхода не видно. Пришлось заложить всё имущество и продать почти всех тедесков. Оставили только две семьи, которые у нас отработали уже лет двадцать и стали, как родные. И сейчас мой старший брат Пьетро вкалывает вместе с ними на винограднике.

Услышав эту невесёлую историю, я помрачнел. Давило чувство вины, так как я помнил, что проблемы начались ещё до моего исчезновения, а я тогда, вместо того, чтобы помогать отцу, ещё и набрал у него денег.

– Сынок – обратился ко мне отец – Ты уж прости меня.

Я чуть не поперхнулся при этих словах. Это я ведь собирался просить у него прощения.

– За что, папа?

– За то, что мы тебя тогда не выкупили.

Я хотел ему сказать, что даже не думал тогда, что меня следует выкупать, так как прекрасно осознавал свою вину. Но тут запершило в горле и слова застряли, так и не выйдя наружу.

– Нет, папа – только и смог выдать я из себя – Это ты меня прости.

С этими словами я открыл висевшую на ремне сумку и вытащил деньги. Сто лир я уже потратил на проезд, ещё четыреста решил оставить себе на расходы, остальное выложил на стол.

– Что это? – спросил отец, с изумлением глядя на кучу монет и ассигнаций, лежащую на столе.

– Это тебе. Надеюсь, хоть немного поможет.

Я заметил, как у отца мелко задрожали руки. Лицо выражало какую-то растерянность, словно он ещё не до конца осознал ситуацию.

– Сколько здесь? – спросил он.

– Пять с половиной тысяч серебром.

– Пресвятая Дева, сынок, откуда у тебя такие деньги? Они честные?

– Да, отец. Это то, что удалось скопить за всё время – соврал я, так как простой лейтенант не получает по две тысячи в месяц. А я, так вообще, на руки получал не больше ста лир, так как три четвёртых моего жалования уходили на покрытие долга.

– Мальчик мой – ответил отец, грустно покачивая головой – Я не могу это принять. Тебе же надо вставать на ноги, как же ты без денег?

– Папа, мне сейчас деньги не нужны, так как всем необходимым обеспечивает Армия – я решил не упоминать название Дома Варбургов, так как заметил, что у отца при имени этой банкирской империи в глазах вспыхивают недобрые

огоньки – А на ноги я буду вставать, когда закончится контракт. К тому времени ещё скоплю.

Какое-то время в глазах отца читалась внутренняя борьба, но затем его взгляд сделался спокойным.

– Спасибо сынок. Эти деньги очень сильно помогут.

Мы ещё посидели за столом и поговорили о том, что случилось в нашей округе за время моего отсутствия. Я заметил, что после получения денег отец повеселел и даже как-то весь выпрямился. Часы на стене показывали четыре часа, и мне надо было уже собираться. Не желая стеснять родителей, я решил провести неделю отпуска в их загородном домике на берегу моря недалеко от Кассибиле в местечке с поэтичным названием Фонтане Бьянке. Хотя, после невесёлого рассказа отца, закралось подозрение, что дом уже может быть продан. К счастью, оказалось, что он, хотя и заложен, но пользоваться им можно.

Когда я уходил, родители пошли меня провожать. Мне не хотелось, чтобы они заметили электрическую повозку, поэтому, собственно, я и оставил её в стороне от ворот. Когда отец увидел моё транспортное средство, то обомлел. Он стоял, не говоря ни слова, и лишь качал головой. Я пробормотал, что это не моё, а мне только дали покататься. Прощание как-то скомкалось, мы все обнялись, поцеловались, а я обещал до отъезда на службу их периодически навещать.

В Ортиджу я приехал за четверть часа до назначенного срока. Франчески ещё не было, и я решил немного прогу-

ляться. На набережной кроме меня сейчас не было ни души, хотя обычно в этот час раньше было довольно много гуляющих. Вообще, этот район уже давно начал потихоньку вымирать, но вид царившего запустения поразил. Кругом валялся мусор, который не убирался, похоже, уже несколько месяцев. Окна домов глядели на улицу пустыми глазницами, а на месте небольшого рынка, где прежде рыбаки продавали свежий улов, невысокой кучей лежали остатки прилавков. Господи, что же должно было произойти всего за два года, чтобы всё так порушилось?

Стремясь уйти от этой разрухи, вид которой заставлял сжиматься сердце, я спустился с набережной по гранитным ступеням на тропинку, ведущую к мысу. Вид безмятежной бирюзы моря, не нарушаемой даже слабым волнением, тут же вызвал воспоминания из счастливого прошлого. Здесь, на самом кончике суши мы сидели с Франческой, глядели на море и мечтали. Франческа говорила, что когда я стану главным инженером, то мы купим яхту и будем ходить на ней по всему морю. От Кипра до самой Майорки. Я не возражал ей, лишь с грустью думал про себя, что у главного инженера завода не так уж много остаётся свободного времени.

Несмотря на то, что в этот час рыбаки как раз должны выходить на вечерний лов, лодок было намного меньше, чем раньше. Но всё равно вид белых парусов и кружащихся над ними чаек заставлял забыть обо всём и представлять, что последних двух лет вовсе не было. Что это всего лишь сон, один

из тех, что вроде бы помнишь сразу после пробуждения, а пройдёт немного времени, и остаётся от него только какое-то смутное ощущение и обрывки неясных образов.

Франческа задерживалась, и в этом оставалась верна себе. Часы показывали половину шестого, и солнце уже собиралось тронуть вершину холма. Я решил вернуться на набережную, как вдруг услышал цокот копыт. По набережной приближался экипаж. Это не была карета с нумидийскими рысаками, которую я ожидал увидеть. Обычный наёмный экипаж из тех, какие обычно дежурят на вокзальной площади. Повозка остановилась прямо напротив лестницы, ведущей к тропинке на мыс, и из неё выскочила девушка. До девушки было метров триста, но я не смог бы спутать её ни с кем.

Франческа быстро перепорхнула через ступеньки и, пробежав с полсотни метров в мою сторону, перешла на быстрый шаг. Едва её заметив, я тут же направился навстречу. Сердце забилось в груди, словно перед атакой. Я не выдержал и, когда дистанция между нами сократилась вполовину, побежал. Она была ослепительна в белом платье с туго перетянутой талией, разгорячённая бегом и быстрой ходьбой.

Последние несколько шагов, разделявшие нас, она преодолела бегом. Я остановился, не доходя пары метров до нее, но она вдруг прыгнула на меня, обняла, обхватив одной ладонью затылок, как обычно делала, и прижала моё лицо к своей щеке.

– Сандро, милый, ты ведь любишь меня, да? – шептала она мне в ухо.

– Да, Франческа – так же шёпотом отвечал я ей, покрывая поцелуями её горячую шею и глядя длинные чёрные, как смоль, волосы – Я люблю тебя.

Она схватила обеими руками меня за щёки, слегка отстранив от себя, а затем, посмотрев пару мгновений в глаза, прижалась губами к моим губам. Я жадно впился в эти мягкие податливые губы, словно намериваясь высосать из них всю влагу. Не знаю, сколько мы так стояли, обнявшись и прижавшись губами друг к другу. Она теребила пальцами мой затылок, а я гладил ладонями её спину. Наконец, Франческа мягко освободилась от моих объятий.

– Давай, пойдём на мыс – попросила она тихим голосом.

Мы шли по тропинке, держась за руки, и молчали. Мне хотелось её расспросить о том, что произошло за время моего отсутствия, но никак не мог решиться начать разговор.

– Это твоя электрическая повозка на набережной стоит? – вдруг спросила она. Я кивнул.

– Так ты у нас большим человеком заделался – в голосе послышался лёгкий смешок.

– Да это мне на время отпуска дали покататься.

– Всё равно. Не каждому дают на таком поездить.

– Ну, наверное, заслужил – улыбнулся я, желая обратить всё в шутку.

Наконец, мы подошли к мысу и уселись на траву. Я обнял

её одной рукой за плечи, а она положила голову на моё плечо. Всё точно так, как и тогда, в прошлой жизни.

– Он сказал, что ты умер – вдруг тихо вымолвила Франческа.

– Кто сказал?

– Этот – возникла секундная пауза – Мой муж.

В том, как она произнесла последнее слово, явно слышались нотки отвращения.

– Точнее, тогда он ещё не был моим мужем – поспешно добавила она.

Повисла пауза. Я не знал, что сказать.

– Дети-то есть у вас? – спросил я, наверное, невпопад.

– Нет, хвала господу – она перекрестилась – Детей нет.

– Сандро! – почти выкрикнула она – Если бы я только знала. Если бы я знала, что это за человек. Нет, это не человек, это просто чудовище.

Плечи её мелко задрожали под моей рукой. Взглянув на неё, я увидел, что по её щекам струятся слёзы.

– Он постоянно за мной шпионит – продолжала она срывающимся голосом – Закатывает сцены ревности и даже бьёт. Вот, смотри – она подняла подол платья, оголив своё бедро – Видишь?

На её бедре, там, где оно уже начинает переходить в талию, виднелся довольно большой синяк. Ещё я заметил, что под платьем не было нижнего белья. Я не смог удержаться и провёл ладонью по мягкой бархатистой коже.

– Ах, Сандро – прошептала она, задержав мою руку своей ладонью – Господи, какая же я была дура!

Вдруг вспыхнуло непреодолимое желание. Я снова, как и тогда, в прошлом, потерял голову. Захотелось предложить ей сбежать, уехать, куда глаза глядят, и забыть обо всём на свете. Я уже открыл, было, рот, чтобы сказать всё это, но тут перед глазами возник образ Голдини. Пресвятая Дева! Я едва не совершил тяжкое преступление. Ведь за дезертирство, кроме виселицы, другого наказания не предусмотрено. Наверное, два года службы смогли меня изменить. Мне удалось взять себя под контроль. Я осторожно вытянул свою руку из-под её ладони.

– Ты надолго приехал? – вдруг спросила Франческа, поправляя подол своего шикарного платья.

– На неделю.

– Слушай, милый – она повернулась ко мне и погладила меня по щеке – Давай на неделю уедем куда-нибудь. Туда, где нас никто не знает. Снимем номер в гостинице, хорошо?

Предложение звучало заманчиво. Но как же ревнивый муж? Не убьёт ли он её после этого?

– А твой муж?

– Его вчера вызвали в Венето. Он там пробудет две недели, а я могу дома сказать, что поеду к тётке в Палермо.

Она вопросительно, почти умоляюще посмотрела мне в глаза, словно боясь, что я откажусь. Конечно, отказываться я не собирался. Однако у меня появился несколько другой

план. Денег в сумке оставалось уже не так много, тем более что сто лир надо было оставить на обратную дорогу. А, хорошо зная привычки моей подруги, я всерьёз опасался, что трёхсот лир нам на неделю может не хватить. Поэтому провести это время в домике на берегу моря показалось мне более подходящей идеей. Тем более что там Франческу никто не знал. Я поделился с ней этой мыслью.

– Это же замечательно – восторженно воскликнула моя подруга – Когда мы поедем? Прямо сейчас?

Я несколько удивился такому всплеску энтузиазма, так как боялся, что она не захочет жить в какой-то глуши, и её придётся уговаривать.

До посёлка на берегу моря, в котором находился домик моих родителей, было около двадцати километров, и мы это расстояние преодолели за полчаса. Я уже увереннее чувствовал себя за рулём, поэтому на некоторых участках вытягивал реостат до упора. Остановившись перед воротами, над которыми висела надпись Фонтане Бьянке, несколько раз нажал на клаксон. Из будки вылез пожилой сторож с заспанной физиономией, который служил здесь столько, сколько себя помню. Увидев меня в электрической повозке, он замер на месте, не говоря ни слова, и наверное, стоял бы так с выпученными глазами до самой ночи, если бы я не догадался его поприветствовать. При звуках моего голоса старик очнулся и бросился открывать ворота.

– Добрый вечер, сеньор Орсолини – поклонился он нам,

когда мы проезжали мимо него.

Несомненно, сторож знал всю эту историю, которая произошла со мною два года назад. И сейчас увидеть меня живым, да ещё и на таком дорогом транспортном средстве, наконец, было для него настоящим шоком.

Я дал старику пять лир и попросил привезти к дому тачку дров. Надо было готовить пищу для нас с Франческой, а я не был уверен, что в доме осталось, чем топить плиту.

– Ой, Сандро! – воскликнула моя девушка, едва мы переступили порог дома – Как здесь замечательно!

Честно говоря, я был уверен, что она, увидев обстановку, сморщит свой прекрасный носик и, в лучшем случае, промолчит. Дом не был предназначен для постоянного проживания, поэтому внутри было не слишком просторно. Мы обычно навещали сюда на праздники. Когда я учился в технической школе, то часто на каникулах жил один здесь неделями, но когда пошёл работать на завод, то поездки сюда сделались весьма редкими. Дом был небольшим и одноэтажным, с небольшим чердаком под пологой двускатной крышей. Во дворе чувствовалась некоторая неухоженность. Кусты, обычно аккуратно подстриженные, сейчас бесформенно лохматились, на площадке перед входом, выложенной керамической плиткой, лежал довольно толстый слой пыли и листьев. Было заметно, что сюда давно никто не навещался. Я опасался, что внутри увижу похожий беспорядок, однако, против ожидания, там было всё чисто.

Гостиная с большим овальным столом по центру была довольно просторной. Из неё вели две двери в небольшие спальни и одна – в комнату с умывальником и душем. Водопровода, как и электричества, в доме не имелось, и для того, чтобы принять душ, необходимо было наполнить бак, висевший на стене. Кухни, как таковой, в доме не было, а готовка пищи происходила на стоявшей в углу гостиной довольно большой дровяной плиты, от которой стальной дымоход через стену выходил на улицу. В общем, обстановка была вполне приличная по меркам семьи с доходом выше среднего, но Франческа она могла показаться чересчур бедной.

Я закрыл входную дверь и обнял её. Она прижалась ко мне всем телом и обхватила обеими руками за шею. Почувствовав щекой горячее дыхание, я бросился покрывать поцелуями лицо, глаза, шею. Она подставила моим губам свои, и мы слились в жарком долгом поцелуе. Мои руки беспорядочно бродили по всему её гибкому телу, словно пытаюсь вспомнить каждый уголок поверхности того, что когда-то хорошо знали. Франческа вдруг отпустила свои объятия и принялась что-то делать руками у себя за спиной. Внезапно платье упало к её ногам, и она предстала передо мною во всей своей прекрасной наготе. Несколько секунд я просто смотрел и любовался её совершенным телом. Казалось передо мною сейчас стоит одна из тех богинь, которые древние высекали из мрамора. Налюбовавшись, я бросился перед ней на колени и принялся целовать всё это совершенство, поднимаясь по-

степенно от кончиков пальцев ступней до самых губ. Она, часто дыша и тихо постанывая, принялась стаскивать с меня одежду. Не в силах уже сдерживать страсть, я подхватил её на руки и понёс в спальню.

Заснул я только под утро. Франческа уже давно спала, тихонько посапывая и раскидав руки по всей кровати, а я лежал с закрытыми глазами и думал о том, что через неделю придётся уехать, и увижу ли я ещё свою девушку, известно одному лишь господу. Уже почти засыпая, решил, что чему суждено случиться – решать не нам, а эту неделю надо провести так, чтобы потом было, что вспомнить.

Дни пролетали так, что казалось, будто часовая стрелка крутится, словно секундная. До полудня Франческа обычно нежилась в кровати, пока я готовил нам завтрак. Время после обеда и часов до шести проводили на пляже. До него было около километра, поэтому туда ездили на моей повозке. Я сперва не хотел светить перед местными своё дорогое транспортное средство, но для моей девушки идти четверть часа под раскалённым сицилийским солнцем, было бы сродни пытке. На пляже Франческа больше нежилась под солнцем, лёжа на ослепительно белом песке, а я в это время плавал в совершенно гладком море, время от времени натываясь на бьющие прямо из песчаного дна белые струи ледяной воды. Из-за чего, собственно, посёлок и получил своё название.

А после обеда, который по идее лучше было бы назвать ужином, мы шли на берег, находящийся в сотне метров от

дома. Там не было пляжа, как такового. Спуск в море представлял собой скопление огромных валунов, через которые до воды приходилось очень осторожно пробираться, чтобы не упасть. Зато там обычно не было никого из людей, и мы, пользуясь темнотой, купались там голышом, освещаемые лишь серебристыми лучами ущербной луны.

После такого ночного купания следовал лёгкий ужин при свечах с бутылкой хорошего красного сицилийского вина, купленного в небольшом магазинчике в Кассибиле. А на следующий день всё опять начиналось сначала.

Так и пролетела вся неделя, словно один день. Всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Настал момент, когда нам пришлось прощаться. Франческа попросила довести её до вокзальной площади, где собиралась взять экипаж и уже на нём ехать к дому своего мужа. Мы долго стояли у повозки, обнявшись. Лишь одна мысль билась в голове, словно маятник настенных часов: увижу ли я её когда-нибудь снова? Наконец, она коротко дотронулась своими губами моих и мягко освободила объятия.

– Счастливо тебе, Сандро – тихо произнесла она, ласково погладив меня по щеке – Я буду ждать тебя.

– Я вернусь любимая – насколько смог твёрдым голосом пообещал я в ответ.

Она отвернулась и, не оглядываясь, направилась к группе извозчиков, стоящих у тротуара в полусотне метров. Лишь сев в экипаж, она обернулась ко мне, улыбнулась и послала

воздушный поцелуй.

До того, как вернуть повозку в гараж, я решил последний раз перед отъездом навестить родителей. Ещё только подъезжая к дому, заметил, что за время моего отсутствия там произошли кое-какие изменения. Каменный забор сверкал свежей побелкой, а ворота – яркой голубой краской цвета сицилийского неба. В доме всё тоже было совсем не так, как в прошлый раз. Отец как будто помолодел лет на десять, вытянулся и вёл себя уверенно, каким я его всегда помнил. Мама всё время улыбалась. Было заметно, что их жизнь стала налаживаться, и они уже верили в светлое будущее. Меня усадили за стол, на котором стояла уже не граппа, а настоящая марсала. Да и блюда сильно отличались от тех, что были в прошлый мой визит.

Распросы про мою службу очень быстро прекратились, так как по моим односложным ответам родители поняли, что распространяться на эту тему я не могу. Про Франческу я говорить не стал, так как они её на дух не переносили, прекрасно помня, из-за кого я угодил в долговую тюрьму. Через час я, извинившись, сказал, что вынужден уходить, так как тороплюсь на поезд.

– Ты молодец, Сандро – растроганно говорил отец, прощаясь – Твой прадед гордился бы тобой.

Своего прадеда я не застал живым, но из семейных преданий знал, что тот был полковником, приближённым самого короля Сицилии Альберто Первого и героем войны за неза-

висимость. После поражения войск короля пять лет просидел в тюрьме, но затем был освобождён по амнистии.

В резиденцию Дома Варбургов я прибыл вовремя и сразу направился доложить Голдини. Директор Департамента Безопасности снова имел подозрительно приветливый вид.

– Ну, здравствуй, Орсолини – произнёс он, указывая рукой на стул перед собой – Надеюсь, ты неплохо отдохнул?

И в его глазах вдруг сверкнули на мгновение ехидные искорки.

– Спасибо, сеньор – ответил я – Отдохнул хорошо. Готов к продолжению службы.

– Открой это, Орсолини – Голдини протянул мне пакет.

Внутри оказался патент капитана Армии Королевства на моё имя. Пресвятая Дева! Я раз за разом перечитывал то, что там было написано, и не мог поверить своим глазам. Мне присвоили звание капитана после двух лет выслуги! Да многие до самого конца службы ходят в лейтенантах! Я поднял глаза на Голдини. Тот широко улыбался.

– Ты смотри, только не задавайся особо – сказал он, тут же придав лицу серьёзный вид – Просто помощник посла не может быть лейтенантом. Ты давай сейчас иди к себе. Завтра начинается служба.

Он махнул рукой по направлению к двери. Я встал и уже начал разворачиваться, как он вдруг хлопнул себя по лысине.

– Да, чуть не забыл. Мой департамент сейчас ведёт одно

расследование.

Последнее слово моментально насторожило. Что за расследование, и как оно может меня касаться?

– Есть такое подозрение, что управляющий одного из наших отделений крутит какие-то махинации в ущерб банковскому дому. Если обвинение удастся доказать, то этому жулику сидеть лет двадцать. Да, кстати, ты же ведь у нас из Сиракуз, не так ли? Значит, этот жулик – твой земляк? Надо же, какое совпадение.

Голдини, улыбаясь, смотрел мне в глаза. Я уставился на него ничего не понимающим взором.

– И, кстати, жена у него некая Франческа, в девичестве Дель Понте. Как ты думаешь, вор должен сидеть в тюрьме?

В голове лихорадочно завертелась карусель. Что это – совпадение? Нет, таких совпадений не бывает. Значит, муж Франчески теперь управляющий отделением Дома Варбургов. Получается, папаша его ушёл или на покой, или на повышение. Стоп! Она сказала, что его вызвали в Венето как раз перед моим приездом. Наверняка, это дело рук моего начальника. Безо всякого сомнения, когда он меня проверял, то поднял моё досье с самого рождения, и там не могло не быть Франчески. Значит, он специально устроил нашу встречу. Только вот знала ли она это, или ею манипулировали вслепую? Я прокрутил в памяти тот момент, когда мы встретились на ступеньках банка, её испуганные глаза и ужас на лице. Нет, такое сыграть тяжело, если ты не профес-

сиональный актёр. Может, когда я вошёл в банк, её тут же вызвали? В отделении я находился около получаса, а за это время вполне можно собраться и доехать. Наверняка дом её мужа должен находиться недалеко от банка. Ладно, принимаем эту версию. Я всеми фибрами души не хотел верить в то, что это с самого начала мог быть спектакль.

Но ведь могло быть и так. К ней обратились агенты Голдини с вопросом, типа: «Вы знаете некого Алессандро Орсолини?», на что та ответила, что знает. Они, в свою очередь, говорят: «А вы не хотели бы с ним встретиться?» – и она соглашается. Это бы объяснило многое. Но тогда зачем она играла в то, что встретила меня совершенно случайно? Чёрт! Ничего не получается. В своих умозаключениях, похоже, я зашёл в тупик. Но о чём там у меня допытывался Голдини? Должен ли вор сидеть в тюрьме? Он что – спрашивает моего согласия на то, чтобы посадить мужа Франчески? Надо что-то отвечать.

– Я думаю, что тот, чьё преступление доказано, должен получить наказание.

Голдини усмехнулся, почесав подбородок. Я хорошо знал, что означает это движение. Он всегда так делал, когда затруднялся с ответом.

– Хорошо – задумчиво произнёс он после довольно долгой паузы – Следствие будет идти около полугода. По странному совпадению, как раз столько, сколько должно будет продолжаться твоё задание. И да, ещё одна вещь, которую

хотел тебе сказать. Длительное тюремное заключение является хорошим основанием для положительного решения по разводу. А влияние нашего Дома на его святейшество, хотя и не афишируется но, тем не менее, известно. Я надеюсь, ты понял меня?

Вот теперь всё стало ясно. Это стимул, мотивация или как там подобные вещи ещё называются. В общем, морковка для ослика. Если я успешно выполняю задание, то меня ждёт приз – развод моей девушки с её ненавистным мужем. Bravo, сеньор Голдини! Вы прекрасно разбираетесь в людях и хорошо знаете, как их мотивировать. Внезапно в памяти всплыла фраза, произнесённая им больше месяца назад. Он тогда сказал, что ему по силам исполнить почти любые мои желания. Даже те, о которых я не смею мечтать. Это явно относилось к Франческе. Значит, он уже тогда начал отрабатывать эту операцию. Но ведь в той беседе речь шла не о том, насколько эффективно мне удастся выполнить задание. Тогда он хотел, чтобы я раскрыл истинные цели деятельности доктора Вьеццоли. Может и сейчас он намекает на то, что этот приз предназначен не столько, для того, чтобы я успешно выполнил официальное поручение, сколько для выполнения личного задания Голдини? Чёрт, кажется, я серьёзно влип. Мне очень хотелось вернуть навсегда Франческу и, в то же время, совершенно не было никакого желания шпионить за доктором, к которому уже успел привязаться.

Но почему же Голдини так уверен в измене со стороны

доктора Вьещоли? Что это – обычная паранойя, или же у него есть какие-то основания для подозрений? Хотя – стоп! А с чего, собственно, я взял, что он подозревает? Может, всё намного проще. Доктор работает над каким-то важным проектом Дома Варбургов и при этом не подчиняется самому директору Департамента Безопасности. Это означает, что высшее руководство Дома не ставит его в известность о деталях проекта. А тот, в свою очередь, стремится эти детали выяснить. Но ведь Голдини же профессионал, и он прекрасно должен отдавать себе отчёт в том, чем обычно заканчивается излишнее любопытство. Сейчас он требует ответа на вопрос, понял ли я его. Надо отвечать.

– Да, сеньор – ответил я как можно более уверенным тоном – Я понял то, что после исполнения вашего задания меня ждёт награда.

Я намеренно сделал ударение на слове «вашего». Некоторое время мы молча смотрели друг другу в глаза. Мне показалось, что он сейчас оценивал меня на предмет того, достоин ли я доверия. На мгновение во взгляде что-то промелькнуло, будто он собирался что-то сказать, но затем напряжение на лице вдруг спало, и взгляд как-то потух.

– Хорошо, Орсолини, я надеюсь, что ты всё правильно понял – и он вновь уставился своим буравящим взглядом, пытаясь понять, правильно ли я уяснил для себя его слова.

Затем он встал из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Снова, как и месяц с лишним назад, разговор с Голдини на какое-то время лишил меня покоя. И лишь суета последних дней, оставшихся до отбытия посольства, несколько ослабила напряжение.

На следующий день я отбыл в столицу Объединённого Королевства – Наполи для представления послу в Империи Тьмы. В столице мне выделили комнату в одном из зданий министерства Иностранных Дел. Конечно, то помещение, куда меня поселили, не шло ни в какое сравнение с моей роскошной тюрьмой в резиденции Дома Варбургов. В течение пары часов я должен был привести себя в порядок и явиться на приём к послу. Мой новый капитанский мундир Армии Королевства в дороге был упакован в сумку, поэтому я вынужден был сначала со всех ног лететь в ближайшую прачечную, чтобы там мне его погладили. Наконец, в отутюженном мундире с начищенными до блеска пуговицами, благоухая ароматом только что купленного одеколona и сверкая новыми сапогами, я предстал перед своим будущим начальником.

Граф Авеллино, назначенный послом, несомненно, был предупреждён о моём своеобразном статусе. Хотя я и считался его помощником, тем не менее, мог не подчиняться его распоряжениям, если они противоречили моему особому заданию. О смысле которого посла также не поставили в известность. Наверное, именно это и стало причиной довольно холодного приёма со стороны графа. Но, возможно, ещё и то, что я был представителем не слишком родовитой

фамилии, представители которой, вдобавок ко всему, никогда не имели никакого отношения к дипломатической службе. Насколько я смог узнать, у посла кроме меня было ещё три помощника, и все они – отпрыски знатных вельмож и дипломатов.

– Капитан – обратился ко мне с недовольным видом граф, среднего роста тучный пожилой человек с седыми волосами и такой же седой бородкой, после того, как я представился по всей форме – Хочу вас предупредить о том, что я не намерен терпеть всякое своеволие у себя на службе. Вас рекомендовали, как высококлассного специалиста в области технологий, и именно этим вы должны будете там заниматься. То есть быть моей правой рукой по данным вопросам. Обо всём остальном я не знаю, и знать не желаю. Вы поняли? – он вопросительно направил свой взгляд на меня, явно ожидая ответа.

– Да, ваша светлость – чётко отрапортовал я.

– То-то же – уже более миролюбивым тоном продолжил он – В канцелярии возьмёте инструкции, и чтобы за время до отъезда выучили их наизусть.

На этом приём завершился. Когда я вошёл в канцелярию, там сидело несколько довольно симпатичных девушек. Узнав, что именно мне требуется выдать, они тут же принялись бросать на меня недвусмысленные взгляды, видимо, полагая, что молодой капитан, назначенный помощником посла, является сынком богатых и знатных родителей. Я

усмехнулся про себя, придав физиономии напыщенность.

В последний день перед выездом посольства весь состав был приглашён на приём к королю. К Салерно в новый королевский дворец отправилась довольно внушительная каравалькада из экипажей самого разного класса. Впереди ехал граф Авеллино в роскошной карете с гербом Королевства. Меня усадили в экипаж с еще одним пассажиром – молодым человеком лет на пять постарше в довольно высокой степени упитанности. В дороге мы познакомились с моим соседом. Он назвался Паоло Альбарола, добавив при этом с важным видом, что является старшим сыном маркиза Альборола, а значит, его наследником.

– Орсолини? – переспросил он, наморщив лоб – Что-то не припоминаю.

Я ответил, что моя фамилия из Сицилии, а дед был соратником короля Альберто. Услыхав про мою родословную, будущий маркиз негромко хмыкнул и, никак не прокомментировав, уставился в окно.

Я разумеется, видел раньше новый королевский дворец в газетных иллюстрациях, но взглянув на него воочию, осознал, что все фотографии не могут передать и сотой части того великолепия, что открылось моему взору. Резные шпили белого мрамора, казалось, упирались в самое небо. Стены с огромными окнами были двух цветов – ослепительно белого и тёмно-зелёного, чередовавшиеся горизонтальными полосами. Портик перед главным входом с огромными колон-

нами – всё это должно было подчёркивать величие и власть владельца этого колоссального здания.

Вся наша многочисленная группа выстроилась в огромном центральном зале дворца в ожидании прибытия короля. Наконец, оркестр заиграл бравурный марш, блестящие позолотой створки распахнулись, и в зал, сопровождаемый свитой расфуфыренных придворных генералов и вельмож, будто акула прилипами, вошёл сам правитель Королевства. Мне часто приходилось видеть его портреты. Но, честно говоря, если бы не знал точно, что сейчас передо мной сам король, никогда бы не признал. Одно время у нас в хозяйстве держали индюков. Так вот, больше всего он напомнил именно эту птицу. Небольшого росточка, лысоватый, с маленькими, узко посаженными глазками, он старательно надувал грудь и задирал вверх подбородок. Было хорошо заметно, что осознание собственного величия доминирует над всеми остальными его мыслями и чувствами. Ходили упорные слухи о том, что он вот уже много лет безуспешно пытается добиться для себя от Папы императорского титула. Глядя сейчас на короля, я подумал, что слухи, скорее всего, не беспочвенны.

Король, важно прохаживаясь перед строем сотрудников нового посольства, произнёс какую-то глупую речь, смысл которой заключался в том, что мы все обязаны добросовестно служить его персоне. После этого, всё так же сопровождаемый стаей прилипал, он покинул зал.

Мы вернулись в Наполи, чтобы подготовиться к отъезду. Я раньше думал, что посольство поедет через Холодные Земли, где мне пришлось повоевать, но оказалось, что мы сначала поплывём на корабле до Константинополя, а затем по железной дороге через половину Персидской Империи. Просто из-за того, что в Холодных Землях слишком неразвита транспортная сеть, нам пришлось бы в повозках преодолеть по бездорожью не меньше трёхсот километров.

Корабль назывался «Герцогство Фиренце». Это был новейший быстроходный крейсер с изящными обводами, тремя трубами и четырьмя двухорудийными башнями. Он встал в строй, когда я воевал в Холодных Землях, однако, когда ещё работал на заводе, приходилось частенько читать в газетах комментарии о ходе его постройки. В этих статьях подробно перечислялись его характеристики, и всячески подчёркивалось, что данный корабль не имеет себе равных во всей Ойкумене. Также газетчики утверждали, что после его ввода в строй на королевских верфях Ливорно и Анконы будут заложены ещё несколько подобных судов. Уже тогда все эти публикации вызывали стойкое ощущение пропаганды. Будто правительство хотело таким способом показать своим гражданам, что не все деньги государства пошли на новый королевский дворец.

Так или иначе, вид крейсера на самом деле впечатлял. К нам в Сиракузы иногда заходили довольно крупные торговые суда, но сейчас все они рядом с этим кораблём казались

бы простыми рыбацкими лодками. Длинной он был в два поля для игры в кальчо, трубы тянулись вверх на высоту пятиэтажного дома, а в стволы орудий, которыми он оцетинился, как дикобраз, можно было бы легко просунуть голову. Видимо, в Королевстве после строительства нового дворца и вправду остались ещё деньги, раз государство способно строить таких монстров. Официально декларировалось, что крейсер создаётся для борьбы с пиратами, однако всем, кто хоть немного разбирался в политике, было понятно, что таким нехитрым способом Королевство пытается надавить на Персидскую Империю. Те давно уже объявили Чёрное море своим внутренним озером, а сейчас серьёзно усиливались в восточном Средиземноморье.

Погрузка началась в пять утра, с первыми лучами солнца. На корабль вся наша многочисленная компания погрузилась без лишней помпы. На пирс вышли лишь полтора десятка провожатых. Скорее всего, это было вызвано тем, что само отправление посольства в Империю Тьмы никем не афишировалось. Я лично не обнаружил об этом событии ни одной даже самой маленькой заметки. Поселили меня в офицерской каюте ещё с тремя молодыми людьми примерно моего возраста, одним из которых был уже знакомый будущий маркиз. До Константинополя нам предстояло плыть четыре дня, поэтому все члены нашей тесной компании сразу принялись знакомиться друг с другом. Остальные двое, как и Паоло Альбарола, оказались, как я собственно и ожидал, отприс-

ками знатных фамилий. Резонно предполагая, что моё не слишком высокое происхождение вызовет с их стороны пренебрежительное отношение, я решил выбрать такую тактику поведения, которая помогла бы сохранить достоинство и, в то же время, не противопоставлять себя остальным. Здесь важно вести себя проще и, главное, не заискивать. На разные неизбежные в таких случаях мелкие колкости лучше всего отвечать улыбкой, но те, которые уже граничат с оскорблением, спускать, разумеется, нельзя. И надо всегда помнить, что ты ничем не хуже их, и поставлен на этот пост за свои собственные достоинства, а они – за достоинства, возможно мнимые, своих отцов.

Одним из первых вопросов, обращённых ко мне, разумеется, было то, чем занимается мой отец. Я ответил, что он плантатор в Сицилии, на что получил удивлённые взоры со стороны двух пар глаз. Будущий маркиз уже имел представление о моём происхождении, поэтому в разговоре участия не принимал. Он сидел у открытого иллюминатора и молчал, глядя на проплывающие волны и чему-то слегка улыбаясь. Возникла мысль, что улыбка эта связана с предвкушением реакции остальных постояльцев каюты на мои слова. Честно говоря, меня самого уже эта реакция начала забавлять. Судя по вытянутым физиономиям, мои собеседники первый раз в жизни встречали помощника посла, который являлся сыном плантатора. Однако когда я сказал, что длительное время участвовал в боевых действиях в составе войск Герцога

Бонелли, то моментально почувствовал изменение в отношении слушателей. Даже будущий маркиз как-то весь встрепенулся. Как я понял, среди моих соседей по каюте не было военных. Все они получили университетское образование, а затем служили клерками в министерстве Иностранных Дел. Возможно, они подумали, что я лично как-то связан с самим Герцогом.

Общение с соседями по каюте оказалось проще, чем я ожидал. Похоже, эти отпрыски богатых родителей ничего, кроме больших городов и маленьких кабинетов в жизни не видели, поэтому всю дорогу я охотно рассказывал им о своих военных похождениях. Оказалось, что все мои соседи являются, как и я, помощниками посла. Наверное, так нас поселили специально, считая, что, чем раньше мы начнём общаться друг с другом, тем лучше будет для дела. Хотя, может, были и какие-то другие мотивы. Так или иначе, четыре дня пути пролетели быстро и, наконец, мы прибыли в Константинополь – восточный форпост Королевства.

6

Насколько я помнил из курса истории, этот крупнейший город, по размерам и блеску соперничающий с самим Наполи, нашему Королевству достался почти случайно. Когда лет пятьдесят назад произошла война между Османским Султанатом и Персидской Империей, ситуацией решило воспользоваться не слишком тогда большое и сильное Королевство Эллада, под шумок ударив османов в спину и отхватив Кон-

стантинополь и все области западнее него. Буквально через пару лет сама Эллада была поглощена Объединённым Королевством. А когда персы османов полностью разбили, то дёргаться насчёт Константинополя было уже поздно. С Объединённым Королевством персам тягаться было не по силам. Через непродолжительное время город был изъят из Эллады и получил статус вольного, то есть стал подчиняться непосредственно самому королю. Так же, как и Анкона, Дженова, Венето, Ливорно, и ещё несколько городов. Вокруг него непрерывно шли трения между Королевством и персами. Последние постоянно требовали себе всяческих преференций в торговле, на что, разумеется, правительство Королевства не соглашалось. Похоже, как раз по причине этих самых трений Персидская Империя объявила Чёрное море своим внутренним озером, запретив проход туда всех военных кораблей, а с торговых собирая внушительные взносы.

Двое суток мы отдыхали в этом огромном городе. Зная, что ему больше двух тысяч лет, я решил время до отъезда провести в поисках древних достопримечательностей. Таковых, на удивление, осталось очень немного. Вообще, Константинополь был очень похож на любой другой крупный город юга Метрополии, будь то Наполи или Палермо. Единственным бросающимся в глаза отличием было просто невероятное число жриц любви. Обычно в Королевстве их деятельность ограничивали специальными кварталами. Здесь же они были повсюду. Молоденькие и уже в возрасте, худые

и толстые, блондинки и брюнетки – по ним, казалось, можно было изучать географию всей Ойкумены. Тут встречались светловолосые голубоглазые представительницы приальпийских областей, а рядом – жгучие жительницы Калабрии. Стоило пройти полквартала, как взгляд наткнулся на знойных тёмнокожих нумидиек и худеньких персиянок с густыми чёрными бровями. Каждый мог найти себе пару на любой вкус. И, главное, всё это великолепие стоило в несколько раз дешевле, чем в Метрополии.

Мои товарищи, которых снова поселили в один номер со мной в одной из гостиниц в центре города, тут же стали звать меня с собой развлечься. Наверное, в другом случае я бы согласился. Однако живые воспоминания о том счастье, что я испытывал с Франческой, делали отвратительной саму мысль о связи с какой-то местной жрицей любви.

Через два дня всю нашу делегацию погрузили на паром, и мы, преодолев пролив мимо развалин гигантского древнего моста, разрушенного полвека назад, но так до сих пор и не восстановленного, вступили на землю Персидской Империи.

Почти к самому берегу были проложены железнодорожные пути, на которых стоял эшелон, состоящий из десятка пассажирских вагонов. На нём нам предстоял долгий путь к границе Империи Тьмы. Когда делегация принялась рассаживаться по вагонам, к поезду подали локомотив. Такого древнего паровоза я в своей жизни ещё не видел. У меня создалось стойкое впечатление, что он сошёл с картинок из

книг про Старое Время, причём, наиболее древнего его периода. Хотя, не исключено, что этому динозавру и в самом деле было лет двести. Закралось сомнение в том, что эта развалина сможет доставить нас до места назначения.

Персы всё время кичились древностью своего народа и государства, однако их железные дороги не шли ни в какое сравнение с магистралями Королевства. Скорость движения нашего состава, если и превышала таковую угольных конвоев, то ненамного. Наш эшелон постоянно останавливался на полустанках и разъездах, и тогда к нему, крича и расталкивая друг друга локтями, бежала толпа торговцев. Когда впервые довелось увидеть это зрелище, я не на шутку переволновался, решив, что это нападение. По привычке даже схватился за бок – то место, где на войне постоянно висел мой небольшой офицерский автомат. Но потом уже привык к виду этих несчастных оборванных людей, единственным средством существования которых было продать хоть что-нибудь пассажирам остановившегося здесь поезда. Порядок на остановках поддерживали несколько вооружённых бойцов в форме персидской армии, которые сопровождали наш состав. Одного вида этого весьма малочисленного отряда оказывалось вполне достаточно для того, чтобы торговцы не пытались приблизиться к вагонам ближе нескольких метров. Я читал, что когда Персидская Империя завоевала эти места полвека назад, то устроила здесь форменную резню. Не знаю, так это или нет, но было хорошо заметно, что

вооружённые люди в форме внушают местному населению большое уважение. Хотя, наверное, более правильным было бы назвать это чувство страхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.